

НЮХ ПОТЕРЯЛА

Хроники одного карантина

Марина Тайсина

12+

Марина Тайсина

**Нюх потеряла. Хроники
одного карантина**

«Автор»

2021

Тайсина М.

Нюх потеряла. Хроники одного карантина / М. Тайсина —
«Автор», 2021

Перед вами история рядовой, «не звездной» журналистки из провинциального города, которая когда-то сбежала от родителей за свободной жизнью, но неожиданно, из-за коронавируса, очутилась с ними под одной крышей на целый год. Как, оказавшись «запертым» в одном доме с враждующими родственниками, не переубивать друг друга? Что происходит, когда «теряешь нюх»? Как работает принцип «спасайся сам – спасешь других»? Стоит ли бояться коронавируса или это шанс? Если да – то какой и для кого? Почему государство – это та же семья, кто такие современные Бурмистровы, Угрюм-Бурчеевы и причем здесь садовники, Антигона и Креонт? История героини не оставит равнодушным никого – ведь все мы и каждый из нас в 2020-2021 на планете Земля неожиданно оказались перед вопросом: как жить и выжить в эти «минуты роковые». В книге нет готовых ответов. Приглашаем вас к диалогу и размышлению.

© Тайсина М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Рецензия	6
Предисловие	9
Благодарности	11
Действующие лица:	12
Глава 1. МАРТ «Никто не ожидал»	13
Приехали	15
****	16
День рождения младшей сестры	18
Мы заболели	20
Глава 2. АПРЕЛЬ «Дай Бог прожить, чтоб не убило»	24
***	29
Глава 3. МАЙ «Расставила точки над I»	30
*	33
Глава 4. ИЮНЬ «Аномалии»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марина Тайсина

Нюх потеряла. Хроники одного карантина

«Не важно, что именно ты делаешь, важно, чтобы все, к чему ты прикасаешься, меняло форму, становилось не таким, как раньше, чтобы в нем оставалась частица тебя самого. В этом разница между человеком, просто стригущим траву на лужайке, и настоящим садовником, – говорил мой дед. – Первый пройдет, и его как не бывало, но садовник будет жить не одно поколение»

Рэй Бредбери «451 по Фаренгейту»

Рецензия

Мы с вами живем в очень интересную эпоху тех социокультурных изменений, которые молниеносно подхватывает и отражает литература. Она тоже меняется на наших глазах, и мы тому свидетели. Совершенно очевидна потребность многих людей реализовать себя в акте письма. Большую часть этих изменений исследователи склонны связывать с развитием сетевого общения, что, конечно же, так. Растет количество авторов, заинтересованных в издании книг, порой родившихся из блогов, постов, дневниковых записей – того, что принято называть автофикшн. Не будем пытаться расценивать плюсы и минусы этого явления, ясно одно: что литература становится неотъемлемой частью повседневной жизни человека, причем как для автора, так и для читателя. Именно повседневность, как мне кажется, ключевое слово в определении того огромного массива личного и культурного опыта, который ныне облакаются в литературную форму.

Перед нами как раз пример именно такого письма – роман «Нюх потеряла» начинающего автора Марины Тайсиной, который представляет собой фиксацию в художественной форме опыта частной жизни, семейной истории (не случайно слово *история* столь часто звучит в авторском предисловии к роману), облеченной в гибридную жанровую форму. Жанр балансирует между семейной хроникой, автобиографическим романом, дневниковыми записями, «документальным романом». А рассказ о частной жизни семьи перемежается несложной общественно-политической аналитикой. *«Перед вами автобиографическая история рядовой, “не звездной” журналистки из провинциального города, которая когда-то сбежала от родителей за свободной жизнью, но неожиданно, из-за коронавируса, очутилась с ними под одной крышей на целый год»,* – таково одно из определений повествования, данное самим автором. Или: *«книга о том, как обычная российская семья пережила пандемию»*. Усредненные значения слов «рядовая», «провинциальный», «обычный» маркируют тот самый *повседневный, усредненный, обывательский* взгляд на очень актуальную для всех действительность, которую сформировала так называемая «пандемия-2020», запустив мощный процесс общественной и частной рефлексии о происходящем с нами и его причинах. И в этой попытке художественного анализа личностных и социальных изменений, на мой взгляд (впрочем, как и на взгляд самого автора) заключается основная ценность романа.

В основе сюжета – история семьи героини по имени Анастасия, от лица которой ведется повествование, охватывающее годовой период – с марта 2020 по март 2021. С первых строк мы погружены в атмосферу жизни дома, где главным семейным центром являются родители протагонистки – 59-летние Любовь и Азамат, вокруг которых разворачиваются отношения их уже взрослых детей и внуков. И скорее не «благодаря», а «вопреки» ассоциациям, которые может вызвать название романа, все действующие лица этой семейной истории по-своему симпатичны в своей общей привязанности друг к другу и родственной сплоченности, несмотря на порой возникающие житейские противоречия и размолвки, вмешательства извне в виде ковидных неудобств, дистанционной работы и учебы. Интересен прием использования в выбранном жанре беллетристики «списка действующих лиц», в котором сообщается вкратце возраст, род занятий и особенности характера каждого героя. Повествовательство это своеобразно «экономит» авторские усилия для представления каждого из персонажей по ходу повествования, будто обозначая авторские предпочтения не делать этого подробнее. И вместе с тем такое использование атрибута сугубо драматического текста выводит *действие, событие* на первый план как главный механизм всего многостраничного повествования.

Действительно, текст насыщен событиями, происходящими здесь и сейчас. Это перипетии семейных отношений между сестрами и братьями, мужьями и женами, родителями и детьми. Между тем – это и погружение в обозримое прошлое семьи, которое будет понятно,

пожалуй, каждому, кто знаком с периодом распада СССР, переездами и миграцией, жизнью семей военных, девяностыми со всеми препятствиями и препонами, финансовыми потерями и т.п. Германия, Казахстан, Москва, Пермь, Екатеринбург – такова представленная семейная география.

Рассказанная история внешне выглядит как типичная для среднестатистической семьи. Здесь есть череда праздников и семейных посиделок – новых годов, дней рождений – насыщенных всевозможными затеями домашних; путешествия и поездки, рабочие будни, семейные неурядицы в виде трений в отношениях между близкими родственниками и последствиями развода. Важно, как мне кажется, еще и другое. То, что все эти события изображены через призму восприятия героини-повествовательницы. Авторской манере свойственна дневниковость и субъективность. Вот почему вы не найдете здесь диалогов, ослаблена интрига, а персонажи становятся фоном для самоопределения автогероини. Если угодно, это текст-автокоммуникация, когда процесс письма становится важным для очерчивания собственных границ, самоидентификации через *другого*. И эти *другие* в первую очередь всегда наши близкие, взаимодействуя с которыми мы познаем себя, устанавливаем личные границы и преодолеваем недостатки. Именно так, в системе внутрисемейных взаимоотношений, выстраивается идентичность героини-повествовательницы – 39-летней журналистки, креативной и предприимчивой, в меру успешной женщины, матери двух сыновей, не совсем удачливой в отношениях с мужем.

В то же время перед нами пример типично женской прозы. Образ героини-повествовательницы складывается через репрезентацию ее преимущественно в женских ипостасях – дочери, матери, жены, сестры. По сути, в основе самоопределения каждого – лежащие внутри нас противоречия: *«Я вообще не принимала себя и свою натуру: взбалмошную, сумасбродную, с одной стороны, с другой – очень покорную, покладистую и жаждующую любить и быть любимой»*. Это неотъемлемая гендерная особенность женского нарратива. Равно как и выстраивание женского *Я* через взаимоотношения с женскими персонажами (сестрами Надей, Верой, снохой Ульяной и, наконец, матерью).

Заметим, что мать-дочь – одна из центральных проблем в истории женской прозы. Как видим, ее не обходят вниманием и современные беллетристы. Образ матери здесь – это своеобразный повествовательный и семейный центр (с особым преобладанием в первой части повествования). Он интересен во многих отношениях. В прошлом представительница типичной советской женщины – волевой, всё успевающей мамы и жены военнослужащего, принимающей самые ответственные семейные решения, *«настоящий боец»*, которой, несмотря на внутреннюю неуверенность, *«все "невозможное" – возможно»*. В настоящем это и женщина-предприниматель, осуществляющая свою мечту, пусть и вынужденную не до конца сбыться. Это и воспитательница своих детей и внуков, хозяйка дома, а в прошлом травмированная авторитарным отношением отца дочь, со своей раной *«нелюбви из детства и непринятия себя»*.

Иначе поданы мужские персонажи. У них тоже есть своя травма, как у мужа героини, брошенного отцом. Но их поведение скорее более объяснимо, или предсказуемо. Впрочем, читатель сам может оценить гендерную иерархию. Между прочим, мотив ребенка, оставленного отцом устойчив для многих персонажей в романе.

Итак, перед нами автобиографический семейный роман, замкнутый на пространстве семьи и семейных ценностях в условиях, когда *«нам пришлось учиться общаться в первую очередь со своими самыми близкими людьми»*. Это роман-осознание истории, творящейся на твоих глазах. Это роман-преодоление – настигших трудностей, своего устоявшегося быта и утверждение незыблемых семейных и родовых начал. Это своего рода роман-путешествие – в себя, в пространство своих отношений с миром и людьми, столь близкими тебе. Кстати, мотив путешествий, воспоминаний о них – еще один знаковый аспект этого текста. В романе при-

существует множество фрагментов, посвящённых путешествиям по разным местам и странам (Крым, Сибирь, Татарстан, Бали и др.). Порой они очень напоминают путевые заметки и подчеркнута документальны. И эту структурную и даже жанровую особенность можно расценить как своего рода компенсацию той изоляции, в которую погрузился мир в 2020 г.

Так или иначе, дебютное произведение М. Тайсиной может восприниматься по-разному. Наконец, оно может быть расценено (и это важно) как реплика в диалоге современников – нас с вами, свидетелей сложных событий, начатых в 2020 г. и продолжающихся до сих пор, ставших *«временем тотального слома шаблонов, сломом сценариев жизни для всего мира»*.

Кандидат филологических наук Надежда Павлова

Предисловие

Эта книга о том, как обычная российская семья пережила пандемию. Автор, от чьего лица ведется повествование, журналист, в прошлом – телеведущая, руководитель различных видео проектов вспоминает историю сложных взаимоотношений со своими родными и то, как ей пришлось выстраивать их по-новому во время коронавируса. Ведь, когда все оказываются заперты в одном месте, приходится что-то менять.

Все мы бываем «заперты» в разные моменты. Эта книга для тех, кто пытается разобраться в собственной жизни, понять, как можно, оказавшись в трудной ситуации, выжить: в состоянии развода с мужем, с ребенком на руках без каких-то больших финансов, без веры в себя и с неприятием родными. Что можно сделать, когда «заперт в четырех стенах», буквально или в переносном смысле? Как понять, на самом ли деле, нет выхода или все же есть «форточка»?

С 2020-го года все мы во всем мире оказались заперты буквально, физически, на разных уровнях – в государствах, регионах, городах, районах, квартирах. В этой новой для всех ситуации каждый проявил себя в меру сил – стали очевидны доселе сокрытые вещи: и – опять же – на всех уровнях. От государственной власти, руководителей регионов и городов до простых жителей, граждан. Каждый проявил свой характер, свои возможности, выплыли наружу факты, которые можно было «загнать под ковер» в суеде дней. Все выплыло наружу – и у всех у нас появился повод поразмышлять о себе, о жизни в своем городе и стране в совершенно новых обстоятельствах.

Будучи «профессиональным наблюдателем» – журналистом, в своей книге я говорю обо всех этих аспектах нашей новой пандемической жизни: о том, с чем столкнулась на уровне властных решений, организации мер по противостоянию с вирусом, о том, что наблюдала, слушая и анализируя местные и федеральные СМИ, и о том, как это сказывалось на всех нас, на моей семье, на людях, с которыми сталкивала меня жизнь.

И пережив 2020-й, я могу сказать: для кого-то пандемия стала большой проблемой, для других – открыла возможности.

Каждый из нас оказался запертым ... в первую очередь наедине с самим собой. И настало время «покопаться» в себе, встретиться с собой настоящим. Не можешь изменить ситуацию – измени к ней отношение. Оказалось, чтобы что-то поменять, хорошо бы начать с себя. Потому как, изменившись в определенной парадигме привычных действий, ты автоматически меняешь взгляд на многое, а следом и свои действия, и поступки. Однако меняться самому очень сложно. Легче пытаться изменить всех и вся вокруг, найти виноватых, выгораживать себя до последнего и находить оправдания своим поступкам или их отсутствию. Во многом мы стали настолько постоянными потребителями чужих эмоций, чужих историй, чужих открытий, чужих знаний – что воспринимаем это как само собой разумеющееся. Только в этом всем нас очень мало. Где я в этой истории, что я сделал? Как садовник ли прожил день или просто пошел и скошил траву?

Это относится ко всем сферам. Как мы выстраиваем наши отношения с самим собой, с родными и близкими, с обществом и с властью. Как мы ценим себя, свое тело и бережем ли его. Это ведь дом, в котором каждый из нас живет. Детям же мы рассказываем, как улитка возит на себе свой домик? Так вот, мы во многом такие улитки! Только наш «домик» внутри.

Насколько мы ценим другой дом – родительский, откуда выпорхнули и полетели, а может, поползли: это тоже уже выбор каждого. Это наши корни. Что мы знаем о своей родне и предках?

Те же законы, что действуют в человеке, семье относятся и к обществу. Насколько осознанно общество принимает вызовы извне, насколько чутко оно реагирует на изменения, которые происходят на планете, и что делает, чтобы сохранить природу, окружающую среду – наш

большой дом Землю. «Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету» – гениальная фраза Маленького принца де Сент-Экзюпери. Только не каждый из нас-то, будем честны, по утрам регулярно умывается сам, что уж говорить об уборке планеты.

Власть – это тоже часть нас. Наши родные, так сказать, народом избранные, что они делали в эти новые времена? И мы сами – что за «садовников» и садовников ли повыбирали? Чем они были озадачены, кого и что спасали и продолжают спасать? Может ли наш народ существовать в цивилизованном обществе или все мы, как головотяпы из Салтыкова-Щедрина, нуждаемся в жестоком правителе из-за своей безалаберности и нежелания нести ответственность за собственные поступки? Вот и находится каждый раз такой правитель...

Вечный русский вопрос: «что делать?» Думаю, вирус как раз дает возможности ответить на этот вопрос. Но главное, с чего стоит начать искать ответ – с себя.

Я облекла свой опыт в форму художественного повествования, чтобы достичь необходимого философского обобщения, однако же сохранила приметы документального романа, чтобы сохранить достоверность.

Ориентироваться в книжке легко: каждый месяц отмечен днем рождения кого-то из членов семьи и очередным этапом развития «пандемийной» истории – часто связанной с болезнью кого-то из родственников. И это тоже примета времени: 2020-2021, где жизнь и возможность ее потерять с такой очевидностью идут рядом...

Благодарности

Я более чем признательна моему психотерапевту Лизе Фалиной за то, что она натолкнула меня на мысль написать книгу, за ее профессиональную и личную поддержку.

Я благодарю каждого в моей семье за жизнь и события, которые пережила. Без вас эта история была бы пустой и ненастоящей.

Я верю, что, читая строки из этой книги, мои родители, сестры, брат, дети начнут лучше понимать некоторые мои решения и сделанные в жизни выборы.

Я благодарна моим друзьям, всем людям, которые встречались на моем пути в профессии.

Я признательна Анне Баганаевой за начало моего писательства. Без ее советов книга вряд ли бы была.

Я выражаю признательность литературному редактору Елене Афониной за чуткость и трепетное отношение к моим мыслям и тексту.

И надеюсь, что эта книга убедит каждого в том, что «потерять нюх» не всегда плохо.

Действующие лица:

Любовь, 59 лет, мама. Педагог, собственница частного детского сада. Собственница всех и вся по жизни.

Азамат, он же Георгий. 59 лет, отец. Бывший военный, руководитель-хозяйственник в театре. Живет по принципу «быть всем полезным». Отдушина – футбол.

Анастасия, 39 лет, старшая дочь. Журналист, видео-продюсер, постоянно стремится причинять добро семье, даже «насильно». Автор повествования.

Надежда, 35 лет, средняя дочь. Бывший руководитель в торговле. Заядлая декретница.

Михаил, 34 лет, сын. Бизнесмен. Постоянно в командировках по строительным объектам в разных городах страны. Путеводная звезда – деньги.

Вера, 16 лет, младшая дочь. Учится в школе. Кем хочет быть ни в профессии, ни в ориентации не определилась.

Федор, 15 лет, старший сын старшей дочери. Учится в школе. Пытается создать свое дело.

Все персонажи вымышлены,

любое сходство с реальными людьми случайно

Глава 1. МАРТ «Никто не ожидал»

Конец марта, но весной и не пахнет. На улицах лежит грязный снег. Морозно, пасмурно и серо. Затянувшаяся зима словно высосала все силы. Делать ничего не хочется, но у меня “горит” проект. Заказчик долго согласовывал смету, метался по сценарию и героям. Я уже решила, что на этот проект рассчитывать не стоит. И вдруг он заявляет: «Снять фильм нужно срочно и успеть сдать до середины апреля». Я ошалела, но отказываться не стала. Со скоростью света договариваюсь с одним из героев съемки. Герой непростой, ощущение, что я силой выбила у него согласие участвовать в проекте. Чтобы как-то отложить хоть немного момент встречи и успеть собраться с мыслями для интервью, решила поехать на трамвае.

Села в вагон, под монотонное постукивание колес успокоилась: собственно, не впервой мне делать проекты вот так, «с колес», и уговаривать не договариваемых героев. И тут я вспоминаю, что обещала сегодня детям поехать в Пермь на день рождения моей младшей сестры, а билеты на поезд не купила.

И вот сижу я и выбираю удобное время отправления поезда. Решила ехать на ночном, чтобы мой младший сын спал, иначе в дневное время он разгромит своей буйной энергией весь поезд и поставит на уши всех пассажиров. Оформляю места, вдруг сзади меня раздается то ли чих, то ли кашель. Оборачиваюсь и говорю: «Будьте здоровы!» молодой девушке. Она извиняется и добавляет: «Я ничем не больна, просто нос режет сильный запах в трамвае».

И в это время к нам поворачивается кондуктор и говорит: «Каждое утро перед сменой нам чистят вагон химикатами, от которых потом все задыхаются и кашляют. Что за химикаты используются в этих обеззараживающих средствах непонятно. Это все потому, что началась эпидемия коронавируса и всех обязали обрабатывать трамваи».

Про эпидемию все говорят, но реально в нее никто не верит. Коронавирус появился в Китае еще в декабре. В конце января китайцы закрыли Ухань, первый в мире город, где была зафиксирована вспышка вирусной пневмонии, источником которой стал новый коронавирус. В конце марта китайский город, который стал очагом распространения нового вируса, поражающего легкие, частично открыли: восстановили работу общественный транспорт, предприятия и магазины. Нам тогда казалось: где Китай и где мы? Следом закрылась Европа. Казалось, они, как китайцы, блокируют заразу, до нас она точно не доберется. В то время, когда у них тысячами выявляют заразившихся коронавирусом, у нас – лишь единицы.

В связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции в центральных регионах России закрывают учебные заведения, но у нас на Урале это касается пока только допобразования. Наши власти рассчитывают обойтись легким испугом. Оперативной информации по заболевшим нет ни на сайте Роспотребнадзора РФ, ни на сайте Минздрава РФ. Местный Минздрав отказывается сотрудничать со СМИ и давать актуальную информацию. При этом журналисты публикуют данные о заболевших, которые не сходятся с официальной статистикой. Чиновники грозятся «в ежедневном режиме мониторить свердловские издания, которые не будут публиковать официальные релизы в материалах, информирующих население по ситуации с коронавирусом, и вносить игнорирующих в черный список». В общем, как обычно, на ровном месте решили развернуть военные действия, только по борьбе не с ковидом, а с журналистами, которые пытаются давать информацию быстро и при этом достоверно.

И вот про эпидемию все говорят, ее призрак витает повсюду вместе с резким запахом дезинфицирующих средств. Хочется кашлять, но нельзя, мало ли что люди подумают? Подумают, что ты болен этим неведомым вирусом. Все боятся. Однако в трамвае из десяти человек в маске только кондуктор.

Я и сама чувствовала эту вонь, просто никак не могла понять, что же так может пахнуть. Выйдя на улицу, вдохнув свежего морозного воздуха, встретила своего оператора в центре города, и мы отправилась на съемку.

Сегодня мы писали интервью на тему «Личная история успеха в мире дизайна интерьеров». Безмятежная тема беседы шла вразрез с разговорами за пределами съемок. Мы обсуждали пандемию: ни я, ни героиня съемок, ни оператор, – никто всерьез не верил, что в нашей стране может произойти то же, что и в Китае, Европе или США, что Россию закроют и введут «локдаун». Новое иностранное слово.

У меня же был жесткий график, и долго беседы беседовать я не могла. Мне нужно было еще успеть вернуться домой, собрать вещи, забрать младшего сына из садика, старший должен был вернуться из школы, и успеть на вечерний поезд. Предполагалось, что мы съездим в Пермь на неделю школьных каникул. Со спокойной душой мы поехали на вокзал, сели в поезд... И кто бы мне сказал тогда, что пандемия – это настолько близкая к нам реальность, что тот самый заморский «локдаун» уже дышит в затылок, а планы рушатся к чертовой матери...

Приехали

Приехали мы накануне дня рождения младшей сестры. Я зашла в дом с опаской, потому что последний раз мы с мамой и средней сестрой изрядно поссорились. Но мы не виделись несколько месяцев, и радость встречи перевешивала неоднозначность чувств. Мальчишки орали, мы смеялись и обнимались.

Мама радостно нас встретила, проводила в нашу комнату. Я зашла и почувствовала, с какой любовью мама все подготовила. Аромат материнской любви и заботы был повсюду. В комнате чистота и порядок, правда, одна стена без обоев, мама решила заклеить стену картой мира и заказала обои в размер. Обычно в этой комнате валяется куча игрушек моих племянников-погодок (они оккупировали весь дом), но сейчас игрушки убраны, диван расправлен и постелено свежее, тщательно отутюженное белье.

В этом доме родители живут семь лет. Когда они только заехали в него, здесь были бетонные стены, лестничные пролеты без перил, и я всегда поражалась, какие они смелые, мои мама и папа, что рискнули заехать в дом-стройку. И вот эта стена без обоев напомнила мне тот дикий, сложный первичный период. Ведь не зря говорят: «Хочешь развестись – затей ремонт». Это действительно проверка отношений на прочность.

Все, что есть в доме, придумано и создано руками родителей и мужа моей средней сестры. Раньше он занимался ремонтом квартир и загородных домов. И это весьма пригодилось для нашего дома.

А дом, между прочим, не самый маленький! 380 квадратов. Три этажа с мансардой, девять комнат, подвал и гараж.

На первом этаже большая гостевая зона со столовой и кухней, главное место встреч и разговоров. На втором этаже спальни для меня и младшего сына. Напротив живет моя младшая сестра Вера. Ещё выше кабинет с библиотекой. Когда приезжает мой старший сын Федя, он располагается в этой комнате. Напротив библиотеки – спальня родителей. Ещё выше двухуровневая квартира моей средней сестры Нади, где она живет со своим мужем Димой и двумя их маленькими сыновьями-погодками Артемом и Павлом. Ещё есть подвал, где находится что-то похожее на спортивный зал с батутом. Там дедушка играет с внуками в футбол и учит малышей подтягиваться. Есть и сауна с джакузи, а также прачечная и хозпомещение – территория папы и Димы.

Моя особенная любовь в доме – стена с фотогалерей моей семьи. Мама отыскала фотокарточки моих прадедов и прабабушек и в каждой рамке сделала коллаж. Получилась галерея предков до пятого колена. Когда я приезжаю к родителям в гости, меня просто манит эта стена. Самое старое фото датируется более чем вековой давностью. На нем родители моей прабабушки. На меня смотрят серьезные лица с правильными чертами: тонкие губы, тонкие носы. Прапрапрадед с короткой бородой и подкрученными кверху усами, в строгом костюме, цепочка от часов на жилете, руки ровно лежат на коленях, словно кто-то скомандовал держать их именно так. Я смотрю на них и всегда пытаюсь понять, кем были эти люди. По рассказам родных, прапрапрадед был железнодорожником, машинистом бронепоезда. После того, как белые при отступлении взорвали железнодорожный мост в Перми, участвовал в его восстановлении. Он был ярким сторонником «красных».

Прапрабабушка, напротив, была очень набожной, молилась за всех. С фотографии на меня смотрит стройная женщина с мягким взглядом. Похоже, что у прапрабабушки был хороший вкус: платье скроено по фигуре, никаких корсетов, вычурности и блестящих украшений. Ворот под горло, на шее цепочка. Волосы, как и было модно в те годы, аккуратно собраны в пучок. Она держит на руках мою маленькую прабабушку.

Как люди таких разных взглядов уживались вместе, вызывает мой неподдельный интерес. Почему мне не передалось по родовой памяти умение находить общий язык с родными? Каждый мой приезд в родительский дом словно пороховая бочка, которая от неверного слова, поступка, вот-вот взорвется.

Узнать ответ у предков лично возможности не было, они умерли в 1942 году от голода. Моя прабабушка выжила. Она была очень суровой, я с детства ее побаивалась и лишней раз ни о чем не спрашивала. Даже с фотографии веет несгибаемым духом этой маленькой сухонькой женщины: сдвинутые брови, хмурый острый взгляд, маленький орлиный нос, плотно сжатые губы.

Я подолгу всматриваюсь в лица родных людей, но ответа, как жить в мире, не нахожу, улавливаю лишь некоторое внешнее сходство. Например, носы картошкой. Это точно нам досталось по маминой линии моего деда. Мою прабабку из зажиточной крестьянской семьи выдали замуж за прапрадеда из бедной семьи по расчету, хоть это звучит как оксюморон, – чтобы избежать раскулачивания. Оставив хозяйство, семья переехала из центра пермских владений Строгановых за 100 километров, где был крупный железнодорожный узел.

Иду вдоль стены дальше – здесь фотографии маленькой мамы и папы, их счастливые молодые лица. Смотрю на наши детские фотографии, и мне очень хочется продлить историю семьи, дополнить галерею фотографиями наших детей... У мамы с папой уже шесть внуков. И все парни.

Большую часть времени вся семья проводит на первом этаже. С рождением моих племянников Артема и Павла, гостиная превратилась в огромную игровую.

Периодически, когда папа сильно начинает возмущаться, что дом захлестили, в подвал «отгружают» невероятное количество игрушек из гостиной. Вообще в нашей семье культ детей, а потому, несмотря на строгое воспитание, их просто заваливают регулярно подарками и раз-

ными играми, так что у малышей голова идёт кругом: все везде валяется и толком это великолепие никто не успевает прибрать и разложить по местам.

Папа давно предлагает взять помощницу по дому, но мама категорически отказывается. По старинке пытается сохранить «дежурства», когда дети дежурят по очереди, но соблюдать порядок в доме получается с переменным успехом. Исключение – праздники, к которым в доме наводится чистота до блеска.

Этот дом появился непростым путем. Когда родители переехали в Пермь, мне было 16 лет. Папа как военный получил четырехкомнатную квартиру в центре города. После приватизации квартиру продали. На эти деньги купили нам, трем старшим детям, однокомнатные квартиры в строящемся доме. Был у родителей пунктик, что они обязаны дать нам хорошее образование и жилье. Сами они с нашей младшей сестрой Верой переехали в барак, в трехкомнатную квартиру, бывшую коммуналку, где в одной из комнат когда-то жила бабушка, папина мама. Барак значился под снос «когда-нибудь», папа договорился с чиновниками, что до этого момента возьмет ещё две комнаты возьмёт в соцпользование.

В этой бывшей коммуналке родители сделали ремонт (им не впервой, опыт получили, мотаясь по военным гарнизонам), установили водонагреватели (горячей воды в этом доме не было в помине), сделали ванну (которой тоже никогда не было в этой коммуналке) и стали жить. Папа ушёл на пенсию из армии, работал директором торговой базы. Мама работала в детском саду психологом.

Время шло, а барак все никак не сносили. Мой брат Миша в это время искал землю под постройку дома для себя и поделился с родителями информацией о продаже таунхауса, в черте города, но в то же время в поле, у реки. Родители сразу согласились, папа взял ипотеку и купил дом.

Надя тоже вложилась в этот таунхаус. Потому что в итоге дом, в котором родители купили каждому из нас квартиры, стал долгостроем. Первым от этого «актива» избавился брат, он удачно продал квартиру, на вырученные деньги купил землю и стал строить дом. Он всегда очень хотел не квартиру, а именно дом. Уже тогда брат занимался строительным бизнесом, открыл торговую фирму по стройматериалам.

Вот и получилось, что, когда встал вопрос о покупке дома, родители предложили поучаствовать сестре, она продала недостроенную квартиру, внесла деньги как часть первого взноса, и в итоге в родовом поместье они с мужем Димой получили двухуровневую квартиру на третьем и мансардном этажах с собственной кухней, ванной, спальней и гостиной.

Так они тут и живут уже восемь лет. Я приезжаю на дни рождения, привожу детей на каникулы. В этом большом доме проходит вся наша общая жизнь. Случаются и ссоры, и счастливые моменты.

Как-то вечером, в один из наших приездов папа пришёл с работы радостный, с каким-то даже загадочным лицом, принёс шампанское (очевидно, хотел порадовать маму, она любит игристое). За ужином, когда мы все устроилось за большим обеденным столом, он торжественно откупорил бутылку и показал документы. Ипотека за дом выплачена полностью. Груз с папиных плеч и кошелька пал.

День рождения младшей сестры

На следующий день был день рождения Веры. Ей исполнилось 16 лет. Мы называем младшую сестру моделью. Она высокая, ноги растут от ушей, чего нет ни у меня, ни у Нади, и мы по-доброму ей завидуем. Вера очень красивая: высокие скулы, миндальные глаза – черные вишни, которые они упорно прячет за линзами круглых очков. Роскошная копна русых волос, которые настолько тяжелые, что не поддаются завивке. Сама себя красавицей Вера не считает и прячет все свои достоинства в «старческие» одежды.

Она может надеть мамину кофточку, которую откопает с антресолей, и носить не снимая. Как бы мы с Надей ни подсовывали потихоньку модные, молодежные вещи нашей младшенькой, Вера упорно надевает «классические» брюки, кофту и – вперед.

С младшей сестрой наша разница в возрасте целых 24 года. Мама решила, раз взрослые дети, особенно старшая дочь, которая только и думает о карьере, видимо, никогда не подарят родителям внуков, рожу сама. Папа же мечтал пожить «для себя»: только всех на ноги поставили. Он хотел путешествовать, но у мамы был другой план. Младшую дочь она родила в 44 года. А папа в это время по полной занялся своей желанной жизнью и, раз мама выбрала себе другое занятие (очередное воспитание ребёнка), нашёл себе «подругу». У него случился служебный роман, который, конечно, спровоцировал трещину в отношениях с мамой. Мама бы и не узнала о похождениях отца, но его любовница стала присылать маме сообщения с требованием отпустить отца к ней и угрозами кары небесной. Случилось это сразу после рождения Веры...

Как-то эта дама долго была по папиной машине, припаркованной у барака, где жили тогда родители, срабатывала сигнализация, и она требовала открыть ей двери в подъезд, чтобы она могла подняться к нам домой. Это было Рождество. Она зашла и на пороге вручила отцу заявление об увольнении и потребовала подписать бумагу. Вместо того чтобы выставить ее за дверь, отец начал ее успокаивать. Этот поступок отца я до сих пор не могу понять. Он жил на два дома. Потом все прошло, но история оказалась ложкой дегтя во вполне дружной истории нашей семьи. И вроде бы папа все делает для мамы сейчас (покупает машины, возит в отпуск), но то, что он не смог защитить ее от этой сумасбродной женщины, которая ей угрожала, мама до сих пор простить не смогла. Глубоким следом отпечаталась эта история и на Вере, младшей сестре. Хотя она была тогда совсем малышкой. Ничего не проходит бесследно.

К сожалению, Вера не застала счастливых родителей, как мы. Она растет в постоянной конфронтации папы и мамы. И всегда задается вопросом: зачем в принципе жить в браке, если нет любви? По мнению младшей сестры, родители не любят друг друга.

Лет с пяти у Веры было две мечты на день рождения. Какие? Хвост русалки и маленькая живая собака. И каждый год она ждала, что какая-то из них точно исполнится. Но родители всегда были против. Хвост считали детской забавой, а собаку – слишком большой ответственностью. Поэтому каждый год Вере дарили мягкую игрушку в виде щенка. Но

год назад родители согласились-таки на собаку живую. Несмотря на желание Веры взять маленькую собаку из приюта, мама настояла на большой породистой. По ее мнению, от бездомного животного непонятно, чего ждать, а большая породистая собака может отпугивать от Веры незнакомцев во время прогулок.

Вера спорить не стала. В итоге в родительском доме появился самоед по имени Гера. Это большой шпиц. Удивительно добрая собака, обожает детей, настоящий компаньон.

Папа сколотил Гере будку. Но собака отказалась там жить. Тогда Гере организовали собственную комнату в доме на первом этаже, где Вера занималась на фортепиано, сразу с выходом на задний дворик. Гера рос не по дням, а по часам и становился просто огромным. Периодически он все же залетал в комнату к Вере и валялся с ней на кровати.

Правда, мама регулярно предъявляла Вере претензии, что она не гуляет с собакой регулярно, не следит за временем ее кормления, и они ссорились. Иногда мне казалось, что сестра пожалела об этом «подарке». Но даже, если это и так, Вера не показывала этого: ходила на занятия по дрессуре собаки, готовила ее к соревнованиям.

Так как ей исполнилось 16, было решено, что хвост русалки уже не нужен, зато актуален вопрос по уходу за кожей лица, потому что Вера часто красится. Она занимается в школьном музике и много выступает на городских мероприятиях. Мы подарили ей бокс с качественной косметикой. Когда постоянно пользуешься гримом, кожа становится похожа на сморчок, мне это знакомо по ТВ-эфирам. Нужна качественная косметика.

Вообще родители очень любят смотреть телевизор, хотя меня там давно уже не показывают. И вот вечером, когда мы сели за стол, его снова включили. Родители посмотрели новости, из которых хотели узнать, насколько опасна пандемия для России, было анонсировано обращение президента к населению. Мама с папой ждали выступления Владимира Владимировича. И не зря. Президент выступил перед народом и объявил о том, что в России вводится локдаун, продлеваются школьные каникулы до начала апреля.

Папа радостно воскликнул, оттабанил руками по столу чечетку: «Как я вовремя закрыл ипотеку!». Мама кивнула: «Давно пора школы закрыть, так можно остановить распространение коронавируса и избежать жестких ограничений, как в Европе». Старшие дети возликовали: «Урааа! Каникулы продолжаются!». И с воплями и визгами, оттабанивая вслед за дедом чечетку, ускакали в сауну.

На семейном совете мы решили, что я с детьми останусь еще на неделю в доме. Благо, что места хватает всем. Казалось, путь спасения найден, ведь, как заявлял Владимир Владимирович, «не надо думать, что меня это не коснется, и никогда не нужно надеяться на авось».

Мы заболели

Когда мы приехали в Пермь в дом, папа *хередал*¹, но внимания на это не обращал: он сильно кашлял, температуры к нашему приезду не было и потому, ходил на работу. За границу же он не ездил! Официально считалось, что только приехавшие из-за рубежа могут подхватить эту новую заразу.

Через пару дней я тоже приболела, а мне нужно было ехать на съёмки в Екатеринбург. Температура была 37, и пиарщик попросила меня не приезжать: вдруг я больна ковидом? Я решила действовать по правилам. Сначала позвонила в Минздрав, так как я не из пермского региона, уточнила, что делать. Мне подтвердили, что нужно вызвать «скорую». Я вызвала.

Врачи по телефону спросили, были ли контакты с заболевшими, возвращалась ли я из-за границы. Я ответила "нет". Через несколько часов, достаточно, быстро, приехала бригада. Женщины пришли без каких-либо СИЗов², обычно одетые. Посмотрели меня, сказали – ОРВИ. Я переживала, что заставила «скорую» ехать на температуру 37. Спросила, "одна ли я такая сумасшедшая", на что врачи ответили "я не единственная". Они рассказали, что постоянно ездят на такие вызовы. При этом к тем, кто не был в контакте и не возвращался из-за границы, врачам скорой СИЗы не выдают: их просто нет. А ковидным бригадам, если и выдают защитную экипировку, то ходят они в ней, не снимая с вызова на вызов. Кроме того, сами медики ничего не понимают. Каждый день им спускают разные протоколы, в соответствии с которыми они обязаны работать. В общем, по мнению медиков «скорой», ковида в нашей семье не было.

Надя приготовила врачам угощение, чтобы они могли поесть: накрыла небольшой стол с пирогами и фруктами. Как оказалось, они ещё даже не обедали, а на вызов приехали уже ближе к вечеру. В машинах холодно, чай возят с собой в термосах.

На следующий день температура спала, я проснулась как огурец. Договорилась с родителями, что съезжу на съёмки на один-два дня, а дети останутся с бабушкой и дедушкой.

И я поехала. На запись интервью с одним из крупных предпринимателей. Во время беседы он признался, что «мы находимся на первой ступеньке кризиса, в ближайшие несколько недель мы почувствуем очень серьезные итоги от этого влияния». Он был уверен, что «эта ситуация не на неделю и в ближайшее время меры карантина ужесточат и продлят». Судя по тому, что вирус пришел к нам позже, чем в Европе, на два месяца, карантин продлится до дня Победы, либо до лета. Бизнес, по его словам, готовился к отражению атаки, чтобы вирус не поразил экономику ни региона, ни страны.

Спикер был настолько убедителен, что я решила заехать домой, собрала вещи на весну, села в машину и поехала обратно к родителям.

Думала я на тот момент, как ни странно, ни о конце света, а о том, как выжить в доме с родственниками в сложившейся ситуации. Каждая долгая встреча с родными заканчивалась катастрофой.

Кажется, они были уверены, что каждый раз я прихожу к ним с «мечом», и всегда готовились отражать мои удары. Всю дорогу я ломала голову, как выстроить отношения с родными

¹ глагол на пермском диалекте от слова хиреть, означает «плохо себя чувствовать, болеть»

² средства индивидуальной защиты

так, чтобы все было мирно. Обычно, когда я приезжаю к родителям, все сводится к ссорам, скандалам и выяснением отношений. Заботливо выращенные семейные узы рвутся и летят в тартарары, и в итоге я уезжаю, хлопнув дверью, чувствуя себя полностью разбитой и ненужной. Грустная картина, что и говорить.

Ехала я не одна, а с детьми. Мой младший сын настоящий энерджайзер. Некоторые нейропсихологи ставят ему диагноз *СДВГ*³. Я же не совсем им доверяю и считаю, что мой мальчик весь в мать: мало спит, постоянно в движении, ему всегда нужно много деятельности. А это значит больше времени и терпения родителя. В этом плане помощь мамы для меня бесценна.

Она детский психолог и спокойно находит с внуком общий язык. Ну и бабушка так «нагоняет» за день, и в подвале с мячом, и на внутреннем дворе, что к вечеру ребенок сам идет в спальню со словами: «Хочу спать». Старшему сыну тоже полезно быть рядом с моей младшей сестрой, они погодки, и подросткам легче будет дистанционно учиться (о том, что введут дистант, тоже стало понятно после интервью), помогая и поддерживая друг друга.

Ну а я буду работать, проектов у меня много... И деньги в семье будут, даже если мама не откроет свой частный детсад, муж сестры не откроет автосервис, а папу посадят на «голый» оклад (он работает директором по хозяйству в одном из театров Перми).

Такой я придумала план. Он был надежен и хорош. Одного я не учла: того, что могут закрыть границы между регионами. Этого не я, не кто-то другой, конечно, не предполагал.

Вернувшись в родительский дом, я решила поговорить с семьей и поделиться тем, что узнала во время интервью с известным предпринимателем. Родные всерьез воспринимать информацию от меня не стали, посмеялись, что я в очередной раз строю из себя всезнайку. «Мало ли что там говорят», – сморщились они.

Кстати, одна из причин наших конфликтов именно в пренебрежении моим профессионализмом. Родные искренне полагали, что на самом деле вводить карантин надолго, как в других странах, наши власти не будут, потому что тогда бизнес весь у всех схлопнется. А кто же такое допустит? Мама привела в пример свой частный детский сад. Это ещё одно её детище, которое мы любим всей душой.

Садик мама открыла восемь лет назад. В силу своего перфекционизма и желания делать все как положено, садик получился просто прекрасным местом для малышей. Мама разработала авторскую программу по физвоспитанию. У неё в коллективе были и учитель ИЗО, и музыкант, и логопед, и врач, и повар. Сама она работала и директором, и психологом. Каждый сотрудник в садике был не абы каким, а с профильным образованием.

Однако, несмотря на столь замечательное содержание, садик «не прошел» по форме. Мама пробовала получить лицензию на педагогическую деятельность (это было её мечтой), но столкнулась с бюрократией, утонула в бумагах. Да ещё и после тщетных попыток договориться с арендодателем по ремонту пролётов, так как по пожарной безопасности двери не проходили проверку из-за нескольких сантиметров, она совсем опустила руки.

Пожарные предлагали все оформить за деньги, но мама делает все по правилам и взятки не дает. Так её частный детсад остался просто «центром по присмотру за детьми от года до трех».

³ СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности

Папа предлагал маме продать мамин «бизнес», так как дохода садик не приносил, а вот хлопот как раз приносил много, но мама никак не решалась. В январе был покупатель, однако продавать по предложенной ему цене не стали. Так садик и висел на маме, а заодно и на папе. Плюс от этого детища было то, что в доме всегда была свежая еда, пусть и детсадовская, но полезная. Мама просила повара готовить и на семью. Правда, муж сестры и папа зачастую мечтали поесть "обычной" еды. Поэтому радовались, когда я приезжала. В отличие от мамы, я люблю готовить, особенно печь, и старший мой сын тоже любит готовить, особенно экспериментировать с мясными блюдами.

На самом деле, будет неправдой сказать, что мама никогда не готовила. Раньше готовила. Да, не все вкусно. Например, пюре и манную кашу я ела (мама заставляла), преодолевая рвотный рефлекс. Помню, мне было лет шесть. Мы жили тогда в Германии. Мама приготовила пюре, и я, чтобы его не есть, просто убежала к соседке вниз, на первый этаж. Мама быстро меня нашла и, увидев, как я за обе щеки уплетаю пюре соседки, пришла в ярость. Что было потом, я не помню, но навсегда запомнила одну истину: еда может быть вкусной, конкретно, пюре. Повзрослев, я научилась его готовить без единого комочка, собственно, как и манную кашу, потому что мои сыновья и муж очень любят и то, и другое.

При таких неудачах с пюре и кашей мама божественно пекла вишнёвый пирог. Когда мы жили в Казахстане (папу туда отправили по службе), мама всегда делала на дни рождения это бесконечно вкусное лакомство, сверху посыпала пудрой. До сих пор помню, как сочный кусок пирога тает во рту, какое нежное рассыпчатое у него песочное тесто, как лопаются вишня и появляется кислинка.

Приготовить пирог было не так-то просто. Сливочного масла в нашем военном городке было не найти, только солёное или шоколадное (для меня и то и другое было ужасным на вкус), поэтому мы делали масло дома сами. Взбивали молоко в сливки, а сливки в масло в трехлитровой банке по очереди: мама и я, даже средняя сестра иногда помогала, брат тогда был ещё маленький и мог просто не удержать и разбить банку – ему не доверяли столь ответственное дело. Именно это самодельное масло мама и добавляла в тесто.

Мамин вишнёвый пирог я так и не научилась делать. С моей средней сестрой Надей мы часто рассказываем младшей Вере о том, что мама раньше постоянно готовила первое, второе, котлеты и компот, а она нам не верит. Мы даже просили маму испечь пирог на один из дней рождения, чтоб младшая сестра убедилась в том, что мама умеет великолепно готовить. Просто не любит. В этом все дело.

В общем, приехав на день рождения Веры, я решила испечь пирог (не вишнёвый), вместо того, чтобы спорить с родителями, средней сестрой и её мужем о том, закроют ли нас до лета.

Приготовление еды меня успокаивает. Отвлекает от дурных мыслей. Так же, как уборка, расчищает мозг. Ты концентрируешься на конкретном деле, и оно затягивает. Если ничем себя не занимать, я начинаю гонять в своей голове всякие глупости насчет того, что в этом доме меня никто никогда не слушает и, пока я футболью эти мысли туда-сюда, я так накручиваю себя, что любое несогласие или критика родных, мгновенно приводит к конфликту. Я начинаю отстаивать свою точку зрения, а это порождает ещё больший конфликт.

Спорить вообще-то бесполезно. В доме мамы права всегда только мама. Но я с этим не согласна. Мне кажется, нужно уметь слышать своих детей, а не затыкать им рот. Иначе, вырастут шпунтики и винтики системы, беспрекословные исполнители.

В общем, пока я готовила начинку для теста, мешала специи для картошки и рыбы, раскатывала тесто, укладывала все на противень, старательно ажурно заклепляя края пирога, смазывала их яйцом для румяной корочки, в момент, как захлопнулась дверца духовки и пирог оказался в печи, – я твёрдо решила ни с кем не спорить и не отстаивать свою позицию с пеной у рта: моим детям в данный момент лучше будет побыть у родителей, потому что мне нужно работать, ездить на съемки. На самом деле, несмотря на все самоуговоры и доводы, желание уехать домой меня не покидало, пока не случилось следующее выступление Владимира Владимировича...

Глава 2. АПРЕЛЬ «Дай Бог прожить, чтоб не убило»

В начале апреля состоялось второе обращение президента к народу. Путин объявил нерабочими все дни вплоть до 30 апреля.

И, хотя президент пообещал нерабочие дни «с сохранением заработной платы», уже стало вообще не смешно. Мало ли что там рассказывает глава государства? Как платить людям, если у тебя у самого нет дохода, как, например, у мамы или мужа моей сестры?

В доме повисла пауза. Мама вздохнула и с сожалением сказала: «Надо было продать сад в январе, а теперь нужно думать, что делать с сотрудниками и из чего платить им зарплату, ведь родители потребуют возврат аванса. Вот если бы помещение было не в аренде...» Папа, который со скоростью света находит решения, постарался поддержать маму и быстро выпалил: «Будем просить отсрочки аренды».

Мама косо посмотрела на отца: «Это нереально, ты же знаешь, хозяйка помещения никогда не идет на уступки». Муж сестры задумался. По его выражению лица читалось: «Как все же работать? Чем платить людям?».

Решили не паниковать, а думать, как действовать. У меня были проекты, и по деньгам я могла обеспечить всю семью. И тогда мы решили, что практически на месяц остаемся у родителей. Мама воскликнула: «Главное, нам всем друг друга не переубивать». Не одну меня посетила эта мысль. Мама-то, конечно, произнесла это в шутку, но в такой шутке правды было ого-го как много.

В новом формате получалось, что в доме проживает десять человек, и первый вопрос, который предстояло решить – еда. Садик-то мамы не работал: нужно было готовить не только по выходным, но и на неделю! А на такую ораву варить можно только кастрюлями.

Мама своим волевым решением собрала всех в очередной раз за большим семейным столом и ввела правила общежития, которые впоследствии нам всем очень сильно помогли. Ввела дежурство. Суть его в том, что каждый день кто-то дежурит по кухне, отвечает за готовку и прибирает по дому. Мы распределили дни, мама сделала график, распечатала и повесила на холодильник. А еще она расписала меню на неделю: ее опыт педагога в организации процесса очень пригодился. Да и в нашем детстве были похожие дежурства – не привыкать.

Поскольку папа был военным, всей семье постоянно приходилось переезжать в разные военные городки и что-то заново начинать: обустраивать квартиру, сажать цветы, клеить обои и совершать много-много всяких разных дел по созданию уюта. Организацией этого «много-много» всегда занималась мама. Она очень организованный человек. Одновременно она работала в детском саду (чтобы мы были всегда у неё под присмотром, как она говорит), занималась домашними делами (в квартире у нас всегда была идеальная чистота и порядок), ночами параллельно училась, получала высшее образование. Нас было трое малышей: у меня

с сестрой четыре года разница, а средняя сестра с братом погодки. И вот чтобы как-то нас организовывать, мама вводила дежурство: каждый из нас дежурил по кухне, готовил обеды, ужины, первое второе и компот и делал уборку квартиры. Такой подход очень помогал избежать хаоса и усталости, хорошо организовывал семейную жизнь.

Когда мама училась психологии на втором высшем, она решилась на некоторые эксперименты: стала вводить в практику все, что изучала в теории. Например, чтобы замотивировать младшего брата выносить мусор или помыть посуду, давала ему карманные деньги. Мы же с сестрой должны были выполнять все домашние обязанности по старинке. На наш вопрос «почему так?» – мама отвечала просто: «Потому что мы ... девочки». Это немного обижало в детстве, мы считали это несправедливым.

Может быть, у брата предпринимательская жилка зародилась именно тогда, а выстраивание отношений по типу «сколько мне за это заплатят, столько и сделаю» пригложилось в жизни. Миша с самого детства пытался заработать, еще и еще. Я помню, когда ему было лет десять, он решил разводить хомячков и продавать их. Тогда никаких интернетов не было. Конечно, мама сердилась, что в его комнате постоянный запах, даже прибиралась сама в его аквариуме с хомячками, жалела их, чтобы не дай бог никто там не погиб, а брат успешно их продавал и... оставлял выручку себе. Вот это и был его первый бизнес.

Дежурство и распорядок, знакомые с детства, вновь помогли нам избежать бытовых конфликтов: по хозяйству все было понятно. Дежурили все: мама в понедельник, во вторник средняя сестра, я дежурила в выходные, так как в рабочие дни не успевала, готовили даже старшие дети-подростки.

Мы распределялись и на прогулки с младшими детьми. Благо у родителей есть придомовая территория.

В магазины мы практически не ходили – заказывали доставку продуктов раз в две недели.

Раз в неделю по очереди ходили до ближайшего магазина в полной экипировке (масках, перчатках), просто чтобы развеяться.

Все работало как часы: были завтраки, каши, как положено по детскому режиму, затем прогулки, активные игры, обед, часовой сон, полдник, снова игры, прогулки, ужин. Вечером каждый день мылись полы в доме – чтобы всегда было чисто, опять же, потому что были маленькие дети. Это очень помогло нам жить в ритме. А ритм помогал жить... Мы каждый день менялись, каждый день у нас были свежие обеды, ужины и чистый дом. Нам некогда было выяснять отношения: каждый был при деле, каждый был занят. Кроме того, каждую неделю я на два дня уезжала на съемки интервью в Екатеринбург, а остальную неделю работала из дома.

Бизнес мужа сестры пришлось закрыть: в Перми ввели очень жесткие ограничения. Сама сестра, Надя, сидела в декрете. Папу вывели с работы, мамин детсад не работал. Как и ожидалось, я осталась единственным работающим человеком, несмотря на пандемию, потому что у меня было несколько проектов: видео, журналистских, в том числе я писала интервью. Моя работа никаким образом не приостановилась.

Чтобы как-то отдыхать друг от друга и немного менять обстановку в доме, я предложила папе ездить со мной на съемки. Это было хорошим решением: пока папа рулит, я могу работать в машине.

В Перми были очень жесткие меры по самоизоляции. Люди с улиц попросту пропали. Их не было видно. Кардинально иная картина была в Екатеринбурге. Когда мы приехали, на улице было полно людей. Они свободно гуляли, по большей части совсем без масок. Показалось,

что мы приехали из какой-то резервации в очень свободный от пандемии город. Папа даже засобирался тоже пойти погулять, но я его не отпустила: ему шестьдесят, и я переживала, что он в группе риска.

Я забрала по дороге оператора. Мы оба были в масках и перчатках, и на съёмках клиент очень сильно смеялся над нами по этому поводу. Снимали мы в торговом центре, который был закрыт для посетителей, но там находился офис нашего заказчика, и потому на съёмки нас пустили по договорённости с администрацией.

Немного жуткое впечатление представляют пустые ТЦ, что и говорить. В Екатеринбурге их огромное количество, и там постоянно толпы людей. И когда эти махины стоят пустыми – света нет, тёмные коридоры, закрытые стеклянные двери бутиков – все это напоминает апокалипсис из западных фильмов-катастроф. Сложно было поверить, что это не кадры из киноленты, а реальная наша действительность. И, конечно, до последнего была надежда, что это скоро закончится, и мы вернемся к привычной жизни, потому как все эти маски, перчатки, антисептики начинали раздражать. С другой стороны, я никак не могла понять, почему в Екатеринбурге люди вообще не верят в серьезность происходящего и не принимается никаких «ограничительных мер».

В тот же день мы вернулись в Пермь. Пока я работала, папа выпался и предложил ехать обратно. Все-таки работать в паре оказалось продуктивно.

Вернулись – и снова выступление президента. И вновь родители с нетерпением ждали, что же объявит глава государства. Было 8 апреля. Путин заявил, что Россия не раз проходила через серьезные испытания: страна справилась с печенегам и половцами, «победим и эту заразу коронавирусную». Побеждать заразу он решил с помощью поддержки бизнеса, который будет сохранять рабочие места. Мама не сильно впечатлилась метафорами про печенегов и половцев, но вроде воспряла духом.

Взяла у брата денег в долг, чтобы выплатить сотрудникам зарплату, и начала разбираться, какие бумаги нужны для оформления кредита. Чем больше она во всю эту бумажную волокиту погружалась, тем больше понимала, что дело идёт к закрытию сада. Кроме того, частные детские сады без лицензии по региональным документам, нашлепанным бездумно краевыми чиновниками, не попадали под новые меры поддержки. Я попробовала выдумать какой-то выход – уж очень сильно мам любила свой сад, и предложила ей написать коллективное письмо губернатору. Связалась с коллегами в местных СМИ, для того чтобы обращение было опубликовано и привлекло внимание властей. В чатике владельцев подобных центров по уходу за дошколятами мама кинула клич «Кто за?». Мы составили обращение. Мама отправила его в чат нелегальных частных садов края. Последовали долгие и жаркие споры, что «это» ни к чему не приведёт, я предложила прекратить пустую перепалку и все же попробовать найти выход.

Мама с каждым аргументом коллег, все больше теряла надежду на помощь от государства. Тогда мы пошли на хитрость. Документ должен был быть подписан всеми. Мы поступили так: каждая подписала, а потом мой муж с помощью фотошопа объединил все подписи под обращением. А иначе собрать эти подписи не было никакой возможности. Мы вообще не выходили из дома, и чётко соблюдали все меры изоляции. Нам даже еду (мясо, птицу, рыбу, овощи), как я уже писала, привозили раз в две недели, так сказать, оптом: мама заказывала провиант для дома в той же фирме, что и в детсад. И это было такое необычное ощущение

полной несвободы, к которому сложно было привыкнуть. И потому я думала, что ездить по адресам и собирать подписи не вариант.

Единственно логичное решение в данных условиях оформить документ – использовать виртуальные средства. При этом никого никто не обманывал. Помощь действительно была нужна. Правда, это ничего не поменяло. Активистов чиновники отправили читать нормативные документы и сверять *ОКВЭД*⁴, которые вроде подходили, а вроде и нет.

У мамы совсем опустились руки. Ещё один вариант хоть как-то остаться на плаву – написать арендатору о снижении аренды. Мама была против. Ни средняя сестра, ни папа не могли её переубедить. Я попросила поговорить с мамой свою лучшую подругу, у которой один из бизнесов как раз сдача в аренду помещений, также она сама арендовала площади. Подруга поговорила с мамой, прислала ей пример того, как пишет запросы она. Мама долго еще собиралась с духом, она вообще очень долго доходит до каких-то вещей, сначала принимает предложения в штыки, оправдывается темпераментом флегматика – «долго доходит, как до жирафа». В общем, оплот недоверия пал, мама все же написала письмо с просьбой снизить плату за помещение. И арендатор пошёл ей на встречу – на шее у мамы остались зарплаты работникам и счета за коммуналку.

Мы прожили почти месяц у родителей. Я готовила борщ, рыбу, рис, варила компот, – в общем, все как полагается в день дежурства, и как-то мама, разбирая посудомойку, сказала: «Мы уже месяц живем и ни разу не поссорились». И на самом деле, это было большим для всех нас достижением. Ну и для меня, в первую очередь. Вообще всегда считается, что причиной конфликтов являюсь я. Собственно, я их провоцирую. И, думаю, родственники правы. Я просто вообще не могу терпеть какое-либо на меня давление и попытки директивно заставить меня делать так, как кому-то хочется, без учёта моего мнения, – это приводит меня в бешенство.

Понятно, что в детстве я все делала «как говорили», всем во всем помогала, была очень послушной девочкой. Не дай Боже поперёк кому что сказать. Но к подростковому возрасту, начала показывать свое Я, чем всех очень удивила.

Самый одиозный случай произошел в Москве, куда мы семьей переехали из Казахстана, в очередное папино назначение. Переехали мы, когда мне было двенадцать. И попасть девочке из глубокой деревни «какого-то Сары-Озека» (именно так считали и учителя, и мои одноклассники) в сообщество «столичных звезд», – непростое испытание. Под сомнение ставились и мои знания, и мои оценки, и то, как я одеваюсь. Меня обзывали палкой. А я просто была маленькой, худенькой, а мои сверстницы уже имели пышные формы. В 90-е быть худой было не модно.

Помню, как хотела всем понравиться. Выпросила у родителей на день рождения красные лакированные с аккуратным бантиком туфельки на маленьком каблучке. В день рождения заветный подарок я получила. С горем пополам папа разрешил мне их надеть в школу. Конечно, маму, которая предложила надеть ботинки, а в школе переодеть туфли, я не послушала. Был ясный, теплый день. Удивительно теплый для апреля, плюс 24.

Утром я, счастливая, отправилась в школу именно в этих туфельках. Но счастье мое было недолгим... дежурный учитель на входе не пустила меня: «Переодевай сменку!», – затормозила она меня. Я дерзко отказалась: «На улице сухо, в школе нет ковров, и потому не вижу

⁴ Общероссийский классификатор видов экономической деятельности

смысла переодевать обувь. Ну и, кроме того, у моих родителей не было денег, чтобы покупать мне две пары туфель». Она все равно меня непустила. Встала как цербер на моем пути. Я топнула ногой, закатила скандал и потребовала вызвать директора немедленно! За директором не пошли, но на уроки тут же меня пропустили. Свое право грызть гранит науки я отвоевала, но настроение было на нуле.

В общем, день моего четырнадцатилетия начался со скандала. Но на этом злоключения не закончились. Днем, вернувшись домой расстроенная, я попросила маму разрешить мне не ходить в музыкалку. Она жестко на автомате отчеканила: «Это еще что? Быстро в музыкалку на урок фортепиано! День рождения не повод прогуливать занятия и отдыхать!»

Без всякого настроения я поплелась на трамвайную остановку. Пока я ждала трамвай на тротуаре, напротив остановки решила припарковаться женщина на белой иномарке. Ехавший за ней мотоциклист, не смог вовремя отреагировать на маневр водителя и вывернул на тротуар. Я машинально отошла подальше. В это время пассажир белоснежного авто открыл дверь, начал выходить, мотоциклисту пришлось вывернуть еще круче, и в результате, меня, уже просто вжавшуюся от ужаса в стену дома, горе-мотоциклист зацепил своим рулем, продолжая движение, и протащил до перекрестка. Я брыкалась, свалилась на асфальт, а чудо-гонщик просто уехал дальше.

Сидя на дороге, я пребывала в состоянии шока. Куртка была разорвана, на коленях ссадины. Я психанула и, еле волоча ноги, страшно напуганная, с комком в горле (я вымолвить слова не могла) и с полными слез глазами, вернулась без сил и настроения домой. Благо идти было недалеко, дом находился рядом с остановкой.

С тех пор свой день рождения я не то, чтобы не люблю. Я его ненавижу! Я старалась проскочить этот день незаметно, в привычных делах. Но ни один из новых праздников, как назло, не проходил без «приключений». Я стала встречать свой день рождения с молитвой: «Дай бог прожить, чтоб не убило».

Вот и в этом раз, на свое сорокалетие ничего хорошего я не ждала, праздновать никак не собиралась. Я забила день работой под завязку. В шесть утра с папой уехала в Екатеринбург на съемки. Папа переживал, что его не пустят в город, я же была спокойна: со всеми договорюсь, «если что».

Папа волновался неслучайно. Дело в том, что из Перми выезжать можно было, только имея при себе документ на дачу или документ с работы на передвижение. На въезде в Екатеринбург все было спокойно. Я высадила папу у своего дома, чтоб он отдохнул – вечером ему за руль, а сама уехала на съемку. Крутилась, как белка в колесе, чтоб везде успеть, готовая к тому, что что-то обязательно пойдет не так.

Съемочный процесс я обожаю. От людей, которых встречаю на съемках во время работы, я вдохновляюсь. Любые форс-мажоры, которые возникают в процессе, меня только «заводят» – мне нравится в суперкороткое время принимать срочные решения и быстро получать нужный результат. Это как головоломка, которую надо точно собрать. Собственно, так было и в этот день – сплошные головоломки, но я смогла со всем разгрестись и даже успела между съемками съездить на грим не для эфира, а просто, чтобы быть красивой.

Я не считаю себя красивой. У меня совершенно бледное лицо. Как чистый холст. Но стоит к нему прикоснуться профессиональному мастеру, и я преображаюсь. Гримеры всегда обращают внимание на мои крупные черты лица и, в отличие от меня, считают, что они очень выразительные. Большие глаза, не голубые или зеленые, а цвета морской волны, длинные ресницы, каждый раз слышу комплименты по поводу их длины и вопрос: «Что нарастила?» – и удивление, когда отвечаю: «Нет, свои». Крупный нос я с детства мечтала исправить, сделать пластику. Хорошо, что не сделала. Рот мне казался маленьким, губы чересчур пухлыми. Но все это, как выяснилось опытным путем, достоинства, которые хорошо смотрятся в кадре.

Я маленького роста, сказать, сколько мне лет, проблематично. Как говорится, «маленькая собачка до старости щенок». И с возрастом это пословица мне стала нравиться. Больше 28-30 лет мне не дают.

Моя бывшая коллега по ТВ занимается сейчас тортами, я заранее сделала у нее заказ. В пять вечера уже стартанула обратно в Пермь, успев по дороге забрать красивущий торт. По дороге обратно папа рулил, я печатала материалы для другого проекта. И в десять вечера, отправив последний текст, мы заехали в Пермь.

На въезде в город была пробка. Стояло огромное количество ДПС с мигалками. Нам жезлом показали подъехать к посту. Я сразу включила видеозапись на телефоне: привычка журналистская сразу идти на конфликтные съемки с включенной камерой и писать все нон-стопом, потом при спорных ситуациях такие съемки помогали доказать, что СМИ ничего не переврали. Папа меж тем тихо шипел: «Выключи камеру».

Молодой человек попросил документы, разрешающие въезд в город. У меня было удостоверение журналиста, но разрешение я не распечатала. Папа уточнил, какие документы ему показать – на дачу или по работе. Полицейский попросил показать документы и у меня. Я показала пресс-карту, он попросил еще и справку. Я сказала, что пресс-карта имеет большую силу, чем справка. ДПС-ник сходил к своим коллегам, они что-то долго там обсуждали, но вернувшись, страж порядка, все же разрешил нам проехать. Видимо, решили не связываться, потому что на тот момент все эти запреты действительно имели сомнительную юридическую силу. Папа же сильно перенервничал, отругал меня за камеру. Я улыбнулась, поблагодарила его, что он все решил. Папа вообще человек, который может с любым, хоть с чертом, договориться и решить любой вопрос.

Так мы приехали домой. Я всех предупредила, что праздновать ничего не буду, привезу торт и попьем чай. Но. Все пошло не по плану.

Дома меня встретили дети, сестры, мама. Красиво накрытый стол, несколько букетов живых цветов. Старший сын сам замариновал мясо по своему фирменному рецепту, приготовил шашлык, нарезал овощи, зелень. Прямо будто пикник. Мы душевно посидели. Сделали несколько общих фотографий. Такая у нас большая семья, оказалось... И ничего смертельно опасного в этот день, на удивление, не произошло. В тот вечер вернулось давно забытое ощущение, что день рождения – это чудесный день.

Глава 3. МАЙ «Расставила точки над I»

Так же чудесно, как и свой, я хотела отпраздновать день рождения младшего сына. Я вообще за то, чтобы дни рождения были невероятным праздниками. Такими, чтобы дети на всю жизнь сохраняли в душе эти чувства радости, счастья, бесконечной любви. А для младшего сына так особенно этого хочется. Он родился 9 мая. И уже четыре года это мой личный день Победы.

Хорошо помню то утро. Я точно не собиралась рожать 9 мая, хотя гинеколог сразу поставила именно эту дату. Вообще-то мы собирались со старшим сыном на Парад Победы. За пару дней до этого я, паникерша, была на приёме у врача, и мне сказали, что до 13-го точно буду ходить. Но в пять утра 9 мая что-то пошло не так. Я проснулась от того, что начали подтекать воды. Решила поехать в роддом сама, не будить мужа и сына. Собралась, вспомнила, что город перекрыт, рожать я должна была в клинике, которая находится в центре города – мало ли что.

Я дождалась семи утра, когда уже более-менее можно было будить парней, и попросила меня отвезти. Дозвониться до акушерки я никак не могла, но оказалось, что она меня уже ждала. Сказала, как чувствовала и прибежала. Я вообще каким-то чудом по жизни встречаю удивительных людей! Схватки никак не начинались. Акушерка предложила на всякий случай все подготовить для обезболивающего укола, но я отказалась.

И вот я лежу на этом родильном кресле, увешана датчиками, которые проверяют сердцебиение ребёнка, все хорошо. В руках мобильник с замерами времени схваток. Время 9:45. Ни-че-го. Позвонила подруга, мы с ней поговорили. Она посмеялась, что только я так могу: болтать во время схваток. В десять утра акушерка посмотрела меня и сказала, что процесс пошёл. А в 10:15 я уже натурально рожала. Акушерка опешила и побежала за врачами. Когда они вбежали, уже появилась головка, но было так больно, что, похоже было, я что-то сделала не так. Врач сильно ругался и не верил, что это мои вторые роды. В результате, у малышка была гипоксия. Он родился и не плакал. Зато летели военные самолёты. Хорошо помню этот гул в тишине и то, как я все спрашиваю: «Где он, почему не плачет?». Мне не положили его сразу на живот. Я не знаю, сколько длились эти мгновения. Мне кажется, бесконечно долго, но тут акушерка, видимо, шлепнула его, и он заплакал.

Мне отдали ребёнка. Ненадолго. После дикого страха, я почувствовала облегчение. Потом зашили, перевели в палату. Что-то там у меня случилось с седалищным нервом, я не могла ходить первые дни. Мне помогала медсестра.

Человечек родился с большими глазами, носиком пуговкой, ну вылитый гномик Вася из мультика. Приехал муж. Долго выбирали имя, так и не определились. Хотела-то я дочь и имя мальчику не придумывала, до последнего надеялась на чудо. Лишь однажды, когда сходила на оперу «Сатъяграха», так впечатлилась музыкой, что предложила имя Филипп.

Этот мальчик, казалось, вообще не спал, постоянно плакал, и к выписке из роддома я была ни жива ни мертва. Я вообще, видимо, за 9 месяцев не подготовилась морально к его появлению в моей жизни. Дело в том, что несколько лет назад я ушла от мужа и все собиралась переехать в другую страну с нашим на тот момент единственным сыном. Долго уговаривала дать разрешение на выезд. Получила. Мы решили мирно отпраздновать. И... после

совместной ночи случился сюрприз в виде беременности Борисом. Я подумала, что это какой-то нам знак свыше, чтобы начать все сначала.

Кажется, все радовались его рождению, кроме меня. На выписку приехали мои коллеги, подруги. Это было так неожиданно и приятно! Но малыши всех строго осмотрел. Он был вообще не похож на малыша. Очень серьёзный и вдумчивый взгляд. Голова вытянутая, как у инопланетянина. Я первое время его даже побаивалась. Имя сыну так и не могли придумать. Я никак не могла привыкнуть к тому, что у меня есть еще один мальчик.

Слава Богу, на несколько дней приехали родители. Сразу стало полегче. Устроили голосование по тому, как назвать. Думали Вася, Вова, Миша. Но решили, что будет Борис. Борец.

И вот этот человек-камень уже вырос. Болтает без умолку. Бесконечно похож на меня по темпераменту. И все время гнёт свою линию.

Я просто не представляю, что у меня был бы не еще один сын, а дочь.

На свой четвертый день рождения младший сын попросил в подарок ... папу (он его не видел с конца марта).

Эти коронавирусные ограничения сильно нас вымотали. Так хотелось настоящего праздника с кучей подарков, шариков и веселыми играми с любимыми героями Бориса – Незнайкой и Кнопочкой. Договориться с аниматорами было непросто: они предлагали провести праздник онлайн и долго не соглашались приехать к нам из страха, что «кто-нибудь снимет видео, отправит, куда следует, и нас всех оштрафуют». После долгих переговоров я все же убедила человека, что нет ничего криминального в том, чтобы приехать к нам в гости: праздник будет на заднем дворе, это частная территория, будут только родственники. Правда, уточнила, что нас целых пятнадцать человек. Уф, Незайка и Кнопочка нашлись.

Осталось главное – чтоб приехал муж. Он работает в СМИ. И как назло у него на работе случился карантин по ковиду. С заболевшими не контактировал, почему-то тест у него не взяли. Но я была против, чтобы он ехал без теста, так как боялась за родителей: ведь Коля может болеть бессимптомно и случайно привести эту заразу. Надо было срочно сдать тест. Только минимальные сроки для получения результата теста – три дня. И даже, если он сдаст, он не успеет получить результат до 9 мая.

Ковид заставляет шевелиться мозг активнее, быстрее и гибче. Надо было придумать, найти возможность. Сто процентов. Иначе все эти приготовления коту под хвост. И решение нашлось. Как говорят, не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Моя бывшая коллега работала в пиар-службе крупного медцентра, где делали тесты. Я обратилась к ней за помощью. Она провернула целую спецоперацию, тест мужу сделали на следующий день, и буквально через три часа результаты были готовы.

Он приехал на ночном поезде рано утром 9 мая. Сюрприз только проснувшийся Боря сначала не оценил. Он не понял, что на диване лежит папа. Подошел к нему, потрогал. Видимо, убедиться, что это не сон. Коля открыл глаза. Боря даже оцепенел сначала. Потом сообразил

и так сильно прижался к нему, то смотреть без слез невозможно, так и сидел с ним какое-то время. Потом пришел в себя, начал скакать до потолка от радости, разбудил весь дом, трезвоня без умолку, что его папа приехал.

День начался великолепно. Солнце светило. Была просто жара. С утра именинника начали засыпать подарками. Он все никак не мог поверить, что папа с ним рядом. И, собственно, других подарков ему больше и не надо было.

В первой половине дня дети готовили пищу под руководством Коли. У каждого получилась своя. У Бори получился космонавт в скафандре, Артем выложил из колбасы, помидоров, оливок мордочку собачки, Павел – жирафа. Все с нетерпением ждали, когда пиццы будут готовы. По дому разошелся аромат домашней выпечки.

Наевшись до отвала собственноручно приготовленной снеди, дети отправились по кроватям на дневной сон. Приехали аниматоры. Пока они готовили реквизит, на пороге появился брат с женой и двумя своими сыновьями Женей и Юриком.

Представление с Незнайкой началось. Наши карандаши высыпали во внутренний двор и чуть не снесли Незнайку, на «ура» прошло и шоу мыльных пузырей.

Время пролетело мгновенно. Так же стремительно, как Боря появился на свет.

Этот мальчик растёт и моё счастье, что он есть, растёт вместе с ним. Он спутал все мои планы. При этом каждый день, благодаря ему, я открываю в себе какие-то новые грани, как будто вижу себя маленькой. И проживаю с ним свое собственное детство.

В этот день вся наша семья была в сборе. Даже показалось, что у брата налаживаются отношения с женой.

Вообще мы всегда считали, что их отношения не будут долговечными из-за постоянных скандалов Ульяны. Ульяну в нашей семье долго пытались принять, но не смогли. Слишком уж она капризная. Иногда мне кажется, что у меня с ней есть некоторое сходство. Я тоже такая натура – утонченная, обидчивая, инфантильная. По крайней мере, была раньше. Поэтому я всегда пыталась найти ей оправдание.

Оправдание у меня одно – Ульяна очень инфантильная. Много себе придумывает, надумывает про других людей, накручивает себя, а потом разочаровывается, что реальные люди не совпадают с выдуманным ею идеалом. Опять-таки – я тоже так делала. Разница наша лишь в том, что я постоянно пытаюсь в себе разобраться и понять, отчего я такая истеричка. Ходила по психологам, посещала кучу тренингов личностного роста с желанием стать лучше и научиться управлять своими эмоциями.

С Ульяной другая история. Она до сих пор считает, что дело не в ней, а в других людях – и всячески пытается их править под свои лекала, унижая, требуя делать так, как она считает единственно верным. Я, слава богу, вроде как справилась с этой заразой в себе. Сейчас я уже не вижу такого явного сходства между собой и золовкой. Жизнь, похоже, побила, пришлось пообтесаться.

На Ульяну же, со временем, понимая, что она неисправима, в нашей семье почти перестали обращать внимание. Как-то мама ее предупредила: будет оскорблять сына в ее доме, она ее выставит. И в один прекрасный момент это случилось: мама выставила Ульяну за порог. После этого инцидента брат долго не приезжал к родителям. Но пандемия и здесь внесла коррективы.

*

**

Сегодня брат с женой сидят в доме родителей на дне рождения моего младшего сына и рассказывают о своих планах переехать в Москву, показывают карту столицы и районы, где они хотели бы жить. Мама с Ульяной нашли общую огородную тему. На время пандемии она с детьми переехала в деревню, оттуда брат и привёз их на праздник.

Через день прозвучало шестое обращение Путина к народу за полтора месяца. Количество заболевших ковидом росло каждый день. Россия вышла на третье в мире по выявленным случаям коронавируса. Неожиданно президент заявил, что мы подошли к следующему этапу – смягчению режима ограничений. Когда и как смягчать, каждому региону придется решать самому – при «строжайшем соблюдении федеральных санитарных норм и требований». Но 12 мая он завершает период общероссийских нерабочих дней, который начал в марте и дважды продлевал.

Видимо, тянуть дальше с отменой ограничений для Кремля означало бы действовать на усугубление экономических проблем, подстегивать рост недовольства, а ведь впереди голосование за поправки в Конституцию, которое перенесли с 12 апреля. При этом отменять ограничения тоже нельзя – снижения заболеваемости не произошло. Путин сказал: «Россия должна пройти между Сциллой и Харибдой». И собственно, Кремль методично прошёл между: переложил ответственность за эпидемию и экономику на губернаторов.

Для нас, обывателей, встал вопрос, как поведут себя губернаторы Пермского края и Свердловской области. Главы некоторых регионов все же ограничивали поездки между регионами.

Муж сестры начал понемногу работать, как только автосервисам разрешили открыться. Однако клиентов поначалу вообще не было, хотя и пришло время «переобувать» машины. Еще одним разочарованием для Димы стало поведение его работников. Видимо, привыкшие отдыхать, они просто не выходили на работу, как ни в чем не бывало, оправдываясь тем, что «уехали на огород». Он никак не мог понять, откуда они находят деньги, чтобы бухать, еще сложнее было предсказать, когда они у них закончатся и те вновь вернутся на работу.

Мама стала думать, как возвращать в рабочий режим детский сад. В этих мыслях она подошла к своему дню рождения.

День рождения мамы 19 мая. Настроения праздновать у нее не было. Она в принципе не любит этот день. Говорит, её отец (мой дед) хотел сына, а тут вдруг родилась снова дочь.

Мама женщина невысокого роста, всю жизнь была очень спортивной и подтянутой, но в последние годы стала поправляться. Она не следит за своей внешностью. Отказывается краситься, регулярно ходить в парикмахерскую, на маникюр, педикюр. Уверяет, что у нее аллергия на косметику. Максимум, что она делает – это красит губы. У нее очень красивые карие глаза с чернящими ресницами. Много лет у мамы не было ни одной морщинки, за исключением межбровной складки.

Она всегда хмурится и собирает брови к носу. Впечатление, что она всегда чем-то озабочена или недовольна. Всегда плотно сжатые губы, прям как у ее бабушки, моей прабабки, кото-

рую я страшно боялась. На свои 60 она не выглядит. Мама шутит, что «хорошо сохранилась», потому что «не мазала лицо всякой химией и не красилась». В одежде она непритязательна. Отследить по гардеробу мамы, что сейчас в моде, невозможно. Она считает, что много вещей – это излишество, вещи не должны быть красивыми, они должны быть функциональными.

Дед воспитывал маму, как мальчика. Всегда короткая стрижка. Занятия спортом. Мама занималась бегом на лыжах. В эту секцию она ходила вместе с нашим папой (правда, тогда и предположить не могла, что это ее будущий муж). По рассказам мамы, спорт воспитал в ней стойкость, выносливость и целеустремленность. Но мне кажется, в этом поучаствовал и её отец. Он был жёстким человеком. А еще алкоголиком. Бил бабушку, тушил об неё бычки и как-то отрезал часть носа. Обзывал своих дочерей, унижал их, утверждал, что они никчемные, никогда ничего не достигнут и закончат жизнь под забором. И вот мама словно всю жизнь пыталась доказать отцу, что она чего-то стоит. Она рано вышла замуж, чтобы сбежать из семьи. Но не за своего возлюбленного.

Своего потенциального жениха, первую любовь, мама ждала из армии и собиралась за него замуж. Жених вернулся, увидел у мамы письма от одноклассника, обвинил ее в измене и закрепил все это оплеухой. Мама такого отношения к себе вообще не терпит и несостоявшегося жениха быстро отправила в отставку. При этом друг этого ее жениха все к маме «подбивал клинья» и, недолго думая, она решила выйти замуж за него. Так сказать, «назло» своей первой любви. В этом союзе родилась я, но мне ещё и двух лет не исполнилось, как мама развелась. Муж ей изменил. Мама нашла, где жила его любовница, пришла к ней в гости, разгромила квартиру и с чувством удовлетворения гордо бросила изменника, подав документы на развод.

Сняла комнату в общежитии и стала воспитывать меня одна. На самом деле, мужа она толком и не видела, он постоянно был в разъездах. Нянилась со мной мамина свекровь, моя бабушка. Но мама разорвала отношения со всем семейством уже бывшего мужа. Так что я до подросткового возраста вообще не знала, что мой папа, который воспитывал меня всю жизнь, не мой родной.

У мамы было много ухажеров. Но она всем давала от ворот поворот. Говорит, ей было важно, чтобы мужчина любил не только ее, но и меня. Таким оказался ее второй муж, мой папа. Тот самый одноклассник, который писал маме письма и к которому так приревновала маму ее несостоявшийся жених – «первая любовь».

Этот «одноклассник», оказывается, был влюблен в маму со школы, восхищался ею во время лыжных тренировок, но она не обращала на него внимания, а он боялся рассказать о своих чувствах. После школы он поступил в военное училище, уехал в Тюмень, писал ей письма. Потом по распределению уехал на службу в ГДР, во время отпуска встретился с уже разведенной мамой с маленьким прицепиком в виде меня.

Они поженились в каком-то селе. Так было нужно, чтобы быстро оформить документы и уехать в Германию.

Сначала родители уехали без меня. Я осталась с бабушкой. Через несколько месяцев мама вернулась и забрала меня: говорит, «душа была не на месте». Провезли меня, по рассказам родителей, в чемодане (он, кстати, до сих пор хранится в доме): огромный такой, из светло-коричневой кожи. В Советском Союзе таких не было. На самом деле, конечно, в чемодан меня никто не засовывал, прятали за чемоданом, из-за него меня было не видно, так и провезли через границу.

В эту историю никто не верит и говорит, что это невозможно, я тоже думала, что это такая легенда, потому что родители рассказывали ее всегда с юмором. Но это было на самом деле, и тогда маме было не до смеха. Ведь она повела себя как контрабандистка.

Мама уехала к папе в середине августа, в военный гарнизон Бернау. Но в середине декабря вернулась на родину, чтобы забрать меня. Поехать с ней он не мог: у военных на службе отпуск строго по расписанию.

И вот по дороге в Германию, на границе в Бресте мама предъявляет документы, а в моем свидетельстве о рождении указана фамилия моего биологического отца. В паспорте у мамы я тоже вписана, но без разрешения отца вывезти меня мама не может. От безысходности в ее голове созрел план пересечь границу незаконно. Говорит, у нее был путь только вперед. Она тщательно все продумала. Провела мне четкий инструктаж и сказала вести себя как мышка и молчать, иначе к папе не доедем (я считала его своим настоящим папой). Мой биологический отец – дальнобойщик, я толком его и не видела, и не помнила. Собственно, потому и документы переоформить родители не могли, так как он постоянно был в разъездах. «Выцепить папашу было сложно», – укоризненно и с презрением отзывается мама о нем до сих пор.

В общем, мама дождалась, когда все пассажиры пройдут таможенный и пограничный контроль. Зашла в кабинку. До груди пограничник ничего не видит из своего окошка. Напротив него висит специальное зеркало, чтобы был обзор вещей, которые перевозят с собой. Мама поставила перед собой этот чемоданище, родители называли его «гроссовским», за него – меня, и закрыла меня собой с другой стороны. На мне была такого же цвета как чемодан шубка (знаете, такие советские тяжелюющие шубейки из мутона).

Мама до сих пор не понимает, как пограничник не увидел меня в зеркале, которое висит за ним и отражает все, что в кабине. Может, и правда, я просто слилась с этим чемоданом по цветовой гамме. Проверяющий спросил у мамы, почему она без ребенка, мама даже не помнит, что она ответила. Но что-то соврала, хотя раньше была уверена, что не умеет лгать. В голове у нее крутилась одна мысль: пробежать по перрону до поезда, успеть сесть в вагон, чтобы никто не остановил. И мы добежали, поезд нас дождался, мы успели сесть. По ходу движения маму больше никто не проверял, поляки документы не смотрели.

Настоящий скандал разразился в гарнизоне, все стояли на ухах, когда узнали, что контрабандой, без документов к ним перевезли ребенка. Но папа каким-то образом все порешал: сумел договориться и уладить этот вопрос. Он ведь может дойти до кого угодно, если ему это нужно (меня вписали в мамин загранпаспорт). В итоге в отпуск мы ехали без каких-либо препятствий. Это при том, что документы на меня так и не были оформлены. Так я и жила, нигде не зафиксированная девочка, но передвигалась между странами без вопросов.

Документы на меня переоформили уже в Казахстане, когда я пошла во второй класс. В первый я пошла по фамилии папы, но по устной договоренности – официальных документов не было. Лишь однажды мой биологический отец приехал к маминей маме, когда мы были еще в отпуске, поздравить с началом учебного года, и тогда же написал, что отказывается от меня. Уже в Казахстане мне оформили официальные документы: дали фамилию и отчество, как у моей сестры и брата. Кстати, бабушка потом написала маме письмо, спрашивала, почему она не получила деньги, и ей они вернулись. Но, видимо, так было нужно. Странное стечение обстоятельств. Для мамы эта история с контрабандой стала настоящим боевым крещением. Она решила, что теперь ей ничего не страшно.

Мама – настоящий боец. Парадокс вот в чем. Её любимое слово «невозможно». При этом всеми своими действиями она доказывает обратное. Кажется, для неё все «невозможное» – возможно. Она долго запрягает и быстро едет. Вот и с частным садиком: мама долго думала, открывать ли ей его. Почти десять лет у неё ушло на обдумывание.

Тут проявилась ее педантичность во всем: она долго искала подходящее помещение, решала вопросы по аренде земли для прогулочной площадки, организации пожарной безопасности, кухонной зоны и прочих премудростей. Так получился привычный детский сад только в миниатюре. Раздевалка, просторные групповые, кухня, буфет-раздаточная, комфортные кровати для дневного сна, туалетная комната, оснащенная маленькими раковинами, индивидуаль-

ными горшками, а также поддоном для подмывания детей, была оборудована площадка для прогулок, специально отведенное место для колясок, помещение для персонала. Мама лично измеряла высоту, на которой должны быть установлены эти маленькие раковинки.

А еще, мама чудесно рисует. И в каком бы саду мы не были, и она не работала, она рисовывала стены мультяшными героями в коридорах и в группах. Вот и в своем собственном саду у нее была стена, где она рисовала разные времена года. К 8 марта у нее была нарисована девушка Весна, например.

Работу в саду мама выбрала из-за нас. Такова версия мамы. С первым ребенком, со мной, она была медсестрой в муниципальных яслях, со вторым, моей средней сестрой, – уже работала воспитателем, с третьим, моим братом, – физруком, с четвертым ребенком, нашей младшей сестрой Верой, – заняла должность психолога, замещала заведующую.

Когда я была маленькой, мама получила специальное медицинское образование. Высшее образование она решила получить, когда мы уже подросли и жили в Казахстане. Я помню, как мама ночами вырисовывала препарированную лягушку – так она писала конспекты по биологии. Тогда на меня произвело сильное впечатление мамино хладнокровие – ей не жалко лягушку! Днем мама вела привычный образ жизни жены военнослужащего: работала в детском саду воспитателем, занималась нами, домом, разводила огород – огурцы, перцы и помидоры росли у нас на подоконниках и балконах в квартире. А ночами мама сидела и училась.

Сейчас я просто поражаюсь, как она могла все это «вывезти». И думаю, секрет в том, что ей помог папа. Когда мама уезжала на сессии в Талды-Курган, нами занимался именно он. Папа всегда поддерживал маму во всех ее начинаниях. Жизнь налаживалась. Однако вскоре к решению семейных задач присоединились политические трудности, которые коснулись всех.

После официального распада Советского Союза начались серьезные пертурбации. Папа по распределению попал на службу в Казахстан в 1986 году. Официально Казахстан провозгласил независимость последней из всех республик СССР – 16 декабря 1991 года. Мама же рассказывает, что в реальности Казахстан стал первой республикой, провозгласившей свою независимость. Это случилось, после того как произошел Желтоксан: так казахи называют декабрьское восстание молодежи против коммунистической власти.

Желтоксан произошел в декабре 1986 года в Алма-Ате, за пять лет до распада Советского Союза. Мирный митинг быстро перерос в массовые беспорядки и побоища. Молодежь требовала, чтобы руководителем республики стал представитель коренного населения. Это был один из первых массовых протестов против диктата центра. Эти события сильно повлияли на нашу повседневную жизнь.

Например, мы и раньше учили казахский язык в школе, дружили с казахами, бегали к ним в аулы играть в футбол. Но с новой властью казахский стал основным языком, все песни стали петь на казахском. Русские песни стало петь как-то ... неуместно. Борьба за независимость начала приобретать националистический оттенок. Мама решила, что все это не к добру, могут начаться конфликты. Летом она собрала нас к бабушкам, а папе заявила, что с детьми в Казахстан больше не вернется. На тот момент папе как раз было предложено поступить в Военную академию в Москве, и мама с готовностью отправила его туда сдавать экзамены. В общем, папе ничего не оставалось, кроме как поступить в эту Академию и вновь стать студентом.

Так мы оказались в Москве. Папа получил жилье в общежитии. Мы поселились в историческом центре столицы, в «сталинке», – мечта любого приезжего. В сентябре все трое детей пошли в московскую школу.

Мама же перевелась из казахстанского вуза в Московский педуниверситет на специальность «Дошкольное образование». Там она заинтересовалась психологией и позже получила второе высшее психологическое образование, правда, уже в Перми. В Москве мама разработала собственную программу оздоровления детей, позже программу формирования психологической культуры семьи, алгоритм работы с детьми и родителями в адаптационный период. Все эти свои наработки она впоследствии применила в своем частном детском саду. Ей было 52 года, когда открылся ее садик. Можно сказать, что сад стал маминым пятым ребёнком. Это мамино детище мы все трепетно любили. И всячески старались маме помочь.

Папа выполнял функции генерального менеджера: решал хозяйственные и административные вопросы, общался с арендодателем, представителями власти. Бывший военный с большим опытом управленческой работы, с тремя высшими образованиями, в том числе экономическим, он прекрасно управляется с финансовыми вопросами и умеет вести переговоры. Кроме того у него колоссальный родительский опыт, он знает, что такое быть отцом четверых детей (учил управлять велосипедом, играть в футбол, помогал с математикой и много-много чего еще). К слову, он всегда находил общий язык и с дочерьми и с сыном.

За безопасность помещения отвечала семья средней дочери. Надя вместе мужем следили за тем, чтобы в центре всегда были исправны краны, водонагреватель, был вовремя и качественно сделан ремонт. Материалы поставлял сын, мой брат Миша, благо у него строительная фирма. Я и моя младшая сестра поддерживали сад информационно: я писала тексты, младшая сестра и мой старший сын учились вести соцсети, публиковали различные материалы. Даже наша бабушка Люся, мамина мама, пока была жива, помогала! Она отвечала за хозяйство. С любовью гладила каждое детское «полотенечко», каждую наволочку, простынь, пеленку. Переживала, чтобы каждый уголок на белье был проглажен, и малышу было комфортно отдыхать в кроватке. Вот так четыре поколения нашей семьи с трепетом и любовью развивали мамин центр «Малыш».

Пандемия маму сломила. Накануне ее дня рождения пришел не радостный ответ от губернатора – субсидий она не получит. При этом сад можно было открывать, но никаких официальных документов на региональном уровне не было. Мама вообще долго металась: оставить ли открытым сад, или сделать дежурную группу, или все же закрыться. Дело в том, что в ее садик ходили дети врачей, которые работали с ковидными больными, некоторые в «красной» зоне. И этим родителям не с кем было оставлять детей. С другой стороны, мама переживала, что родители «не врачебных» детей вполне обоснованно могут бояться приводить своих малышей в сад, зная, что туда ходят те, кто опосредованно контактирует с заболевшими.

Какой-то точной информации о том, что за вирус на нас обрушился, не было. Сначала по ТВ и в интернете транслировали пугающие картинки, как людей с подозрением на ковид транспортируют в боксах. Казалось, это какой-то сюрреализм, и тебе просто случайно включили кадры из «Эпидемии». На самом деле то, во что упаковывали людей, называлось «биобэг». Это такая каталка, на ней длинный герметичный надувной купол с четырьмя окошками, ремнями и прорезями для рук. Внутри к отверстиям прикреплены рукава с медицинскими перчатками.

Перчатки там для того, чтобы при необходимости перевернуть больного на другой бок или поставить ему капельницу и при этом не заразиться. Действительно, выглядит устрашающе.

Такую «упаковку» обычно используют для больных, например, вирусом Эбола, чумы или сибирской язвы. Представляете, сибирской язвы!? От самого этого сравнения холодела кровь, и уровень страха начинал зашкаливать всего лишь от вида биобэгов. Кроме этих конструкций, фигурировали врачи в противочумных костюмах, экипированные, словно в космос, и заторможенно передвигающиеся, как будто они уже оказались в невесомости. В общем, жуть.

Какой бы то ни было точной поясняющей информации о том, что это за болезнь такая – корона, так и не было. Информация постоянно менялась, что, конечно, порождало, с одной стороны, панику, с другой – полное отрицание существования этого вируса и какой-то его опасности.

В результате мама предложила своим воспитателям работать в саду только с детьми врачей, но потом передумала, так как прогулки на детской площадке садика могли вызвать вопросы и штрафы. Тогда ее воспитатели стали работать с этими детьми у себя на дому. В мае мама решила, что сад открывать не будет. В таких условиях «проще не работать». Она понимала, что детей будет мало, и денег оплачивать аренду, платить зарплату не соберется: придется вновь залезть в долги. Еще одним аргументом было то, что начинался дачный сезон, многие дети могли уехать с бабушками и дедушками за город.

На фоне всех этих рабочих проблем свой день рождения прошел у нее без настроения, как бы мы ни пытались ее развеселить. Мы просто вышли на задний дворик и посидели всей семьей. Конечно, я не так представляла себе мамин день рождения. Тем более праздновался юбилей: ей исполнилось 60 лет. Но невозможно сделать праздник тому, кто этому празднику не рад.

Маленькие поводы для радости все-таки нашлись. Мама очень хотела посадить четыре туи в саду. Вот эти туи и привез мой брат. Настроение улучшилось. Хотя, мне кажется, в большей мере улучшилось оно из-за того, что все дети и внуки снова были в их с папой родительском доме.

Кроме садика, была еще одна «больная» для мамы тема: поступление младшей дочери в лицей, где я когда-то училась. Вера заканчивала девятый класс. Было совершенно непонятно, каким образом будет проводиться аттестация в новых, пандемийных условиях. Сколько экзаменов нужно сдавать, будет ли это ОГЭ⁵ или контрольные.

Еще до пандемии начало основного этапа ОГЭ было назначено на 22 мая. Однако в конце марта Минпросвещения из-за угрозы COVID-19 объявило о переносе экзаменов на 9 июня. В мае и вовсе заявили, что сдавать ОГЭ будет не нужно. Но родители все равно переживали, как их младшенькая будет поступать в лицей, какие предметы и как она будет сдавать.

Сама Вера постоянно металась: то ли пойти на биологию и заняться в будущем биотехнологиями, то ли на географию и дальше изучать экономику регионов. У нее неплохо получалось рассуждать про финансовое положение территорий и взаимосвязь с их географическим положением. Бывали метания и в совершенно другую сторону. Например, пойти в «кулек» (так называют Институт Культуры в Перми), продолжить занятия вокалом или стать воспитателем в детском саду. В общем, это было время каких-то малопонятных мне телодвижений, что родителей, что моей младшей сестры.

Младшая сестра заканчивала музыкалку – у мамы ведь пунктик, что у всех ее детей должно быть музыкальное образование. Каждый день Вера сидела за фортепиано просто с

⁵ ОГЭ – основной государственный экзамен, итоговый экзамен за курс основного общего образования в России

ненавистью (как я ее понимала в такие моменты) и разучивала сонаты, прелюдии. Выхода у нее не было: мама лишала ее телефона, если та не позанимается.

К концу мая, сестра сдала все экзамены на «отлично», единственная из выпускников музыкалки 2020 года. Поступать в лицей она передумала и решила остаться в школе. Но родители считали выбор Веры неверным: она должна пойти по пути старших детей и все-таки отправиться в лицей. Родители постоянно «пилили» сестру за то, что та ленивая: «ох уж это современное поколение», – и ничего не хочет добиться в этой жизни. Вера дерзила в ответ, но противостоять напору мамы нереально: она как стена, потому их разговоры зачастую заканчивались Вериными слезами в подушку.

В таких ситуациях в моей голове всегда прокручивается песня обожаемого мною с юношеских лет Бутусова «Наша семья – это странное нечто». Правда, когда я начинаю напевать:

*«В нашей семье каждый делает что-то,
Но никто не знает, что же делает рядом.
Такое ощущение, словно мы собираем
Машины, которая всех нас раздавит»*

– родные крутят пальцем у виска. Они никакого сходства нашей семьи с персонажами песни «Наутилуса Помпилиуса» не находят. Я же считаю:

*«Наша семья – это странное нечто,
Которое вечно стоит за спиной.
Я просто хочу быть свободным и точка,
Но это означает расстаться с семьей».*

Чтобы разрядить обстановку в доме, а именно «словесные махачи» Веры с мамой, я поехала с двумя старшими детьми в Екатеринбург.

У меня как раз были съемки. Мы приехали, пошли в парк и устроили пикник с «вредной» едой: заказали бургеры с газировкой, картошку фри, разложили плед и сели обедать. Радости детей не было предела. Вот она, свобода. Ведь оба они сидели в родительском доме с марта и никуда не выходили дальше заднего двора. Оба закончили школу. Старший сын был переведен в 9 класс (с какими оценками, я даже не узнавала), младшая сестра, как оказалась, вообще не будет сдавать ОГЭ, что ее очень порадовало.

У меня тоже был повод для праздника – я завершила работу в двух крупных проектах. В большом федеральном я согласовывала съемки в разных городах страны, договаривалась с героями, находила съемочные бригады, локации, составляла тайминг и ТЗ, потом отсматривала исходники, писала тексты к роликам для монтажа – в общем, такая продюсерская и сценарная работа. И внезапно из-за одного моего текста произошел конфликт.

Сначала меня за него похвалили, а потом, когда один из заказчиков, согласующих материалы, не принял его, сильно «наехали». Я возмутилась новому тону общения. Человек предложил мне завершить проект, если я собираюсь перечить. Я и завершила. Второй проект я делала с этим же партнером и предупредила, что уйду, если будет допускаться общение в таком формате. Начались дешевые манипуляции: мне сказали, что я могу отменять съемки, если мне не стыдно. До конца мая полностью завершила все, что должна было сделать по плану, и партнер решил, что я продолжу работать. Но я написала письмо, в котором обозначила более комфортные для меня условия и детально перечислила виды работ и прайс под каждую задачу. В ответ получила такой же прайс, но уже на штрафы в свою сторону. Было понятно, что у каждого из нас своя правда. Я решила, что продолжать сотрудничество в таком духе не имеет смысла. Сильно переживала.

Думала, что опять что-то сделала не так. Ведь получается как? Если что-то не по-моему, я хлопаю дверью и ухожу. Но в этот раз я взяла в себя в руки и сделала все спокойно, без претензий. Ура возможностям дистанционной работы: ты не вываливаешь все человеку в лицо во время накала эмоций, а пишешь, все хорошенько обдумав.

В этой ситуации я училась отстаивать свои границы, что мне в принципе очень сложно дается.

О личных границах я узнала, в общем-то, под сорок. О том, что они существуют. До этого я считала, что надо быть хорошей девочкой, бороться со своей строптивостью, стараться всем угодить и тогда тебя все будут любить и хвалить и ценить. Но каждый раз я из кожи вон лезла, чтобы сделать всем хорошо, но почему-то похвалы, равноценной моим усилиям, не было. И удовлетворения тоже. Я начинала обижаться на своих родных, друзей, коллег, работодателей и на весь мир за то, что меня не ценят. От этой обиды и были все мои истерики и попытка доказать всему миру, что я молодец. Я постоянно жила в войне, как оказалось с самой собой. Я просто растворялась в других людях, как Оленька из рассказа Чехова. Но Душенькой-то я никогда не была. Я вообще не принимала себя и свою натуру: взбалмошную, сумасбродную, с одной стороны, с другой – очень покорную, покладистую и жаждущую любить и быть любимой. Только любить кого-то невозможно, если не любишь и не принимаешь себя. В любом случае любые отношения в любой сфере жизни становятся зависимостями: от человека, от обстоятельств, от чего угодно.

В моей семье есть отличный пример мамы, которая всю жизнь тащила на себе груз нелюбви из детства и непринятия себя. Она ненавидела отца, но была слишком на него похожа, и эту часть себя она категорически отвергала. Это, во-первых. Во-вторых, влияла советская система воспитания, где общество – всё, индивидуум – ничто. Эта доктрина просто как раковая опухоль поразила не одно поколение советских людей. Никакой личной свободы, никаких личных границ, все ради каких-то светлых идей будущего. Страшная машина уничтожения личности человека, прикрытая лозунгами спасения от внешних врагов, маниакального патриотизма и стремления быть первыми, лучшими во всем без права на ошибку.

В этой парадигме мама воспитывала и нас. Каждый отреагировал по-своему. Я просто сбежала подальше от родителей. Не то чтобы сильно далеко – в соседний большой другой город, но уж сильно неважно мне были все ее «правила жизни», которые строились на угрозах, давлении, чувстве вины и стыда. Парадоксальным образом это были правила, которые мама отрицала в семье, где выросла сама, но каким-то неведомым способом транслировала уже на собственных детях. Мой же бунтарский дух давал о себе знать. Я просто сбежала. И даже не от родителей – а, по сути, от самой себя.

В пандемию свои категорические принципы «не нравится – ухожу» пришлось пересмотреть. Изоляция потребовала отстроить границы общения. И случилось удивительное: как только ты осознаешь свои собственные границы, ты автоматически начинаешь уважать границы других людей. И общение становится простым, спокойным, не нужны никакие истерики. Оказывается, можно спокойно выражать свои эмоции словами, без крика.

После пройденного опыта внутри семьи я просто уверена, что точно так же нам нужно ощутить не на словах, а на деле границы свои как народа. Для этого надо перестать перекраивать сотни раз историю. Надо просто принять нас такими, какие мы есть. И тогда противопоставлять всему миру и устраивать войны для самоопределения отпадает всякая надобность.

К сожалению, за 30 лет с начала перестройки, мы снова вернулись от свободы слова, прав личности и принципов демократии, все к тем же советским страшилкам про происки

врагов и тому подобной ереси о нашей якобы невероятной мощи страны на фоне полной разрухи внутри этой самой страны. Изоляция только обострила эти проблемы. Наши власти (собственно, детище советской пропаганды) вещают с трибун каждый раз, что мы ни на кого не нападаем, и при этом постоянно всем угрожают. Особенно, ужасно, когда наши чиновники на всех уровнях власти начинают говорить о Великой Отечественной войне – «можем повторить». У этих «ораторов» личные границы отсутствуют напрочь. Они вещают от лица сотни тысяч россиян, и у стран, где с уважением чужих и соблюдением личных границ все в порядке, такие заявления вызывают, как минимум, недоумение.

Такое ощущение, словно пандемия, поразившая весь мир, как на томографе детально высветила каждую страну, и теперь можно каждой ставить вполне точный диагноз. Так вот Россия, которая живет в окружении, условно назовем, взрослых стран (с кем ей приходится общаться, хотя она и бравировает, что ей это не нужно), ведет себя словно подросток. Знаете, как в семье, ребенок в пубертатном периоде активно отрицает родителей, заявляет, что его «буллят». При этом живет эта детина в доме родителей и продолжает пользоваться всеми благами, нажитым трудом этих самых ненавистных мам и пап. Вот и наши правители почему-то все свои сбережения хранят в этих ненавистных вражеских странах, отправляют своих детей туда учиться.

Как там у Маяковского:

*«А моя
страна –
подросток, –
твори,
выдумывай,
пробуй»*

Только страна делает вид, что выросла, а на самом деле так и осталась в пубертатном периоде – «творит» безумие, «придумывает» небылицы. Страна-подросток заявляет о своей взрослости и самостоятельности, но при этом ни экономической независимости (базового принципа самостоятельности) у нее толком так и не сформировалось за 30 лет новой истории, ни ответственности за собственные ошибки. С пеной у рта российские чиновники постоянно доказывают, что у них все вокруг виноваты: европейские страны – агрессоры. Совсем как родители у подростка. Собственный народ бестолковый. Ровно как головотяпы из Салтыкова-Щедрина. В этих установках есть доля правды, но лишь доля.

В большей степени взрослый человек все же самостоятельно несет ответственность за свои поступки и решения. Но для этого необходимо принять себя и осознать собственные личные границы. И не покушаться на чужие. В вопросе безответственности власть и народ «едины»: и те и другие не приемлют никакой ответственности за происходящее. Власть для народа – родитель, царь-батюшка, а у самой власти – в виноватых родителях ходят высшие силы, обстоятельства непреодолимой силы, Интернет и «тлетворное влияние Запада». И так по кругу – ответа не сыщешь.

Я 15 лет работала в новостях и могу сказать: на телеке личных границ не существует. Ты панешь как проклятый, понимая, что ты – просто винтик в системе: сломался, выдохся, придет другой. Главное – успеть к дедлайну. За много лет работы я к этому привыкла. Так я думала, но, на самом деле, оказалось, что нет. Я работала на износ, без нормального режима и выходных, была фанатиком своего дела, бесконечно верила в профессию, в ее пользу

для других людей, была на кураже. Потом этот кураж закончился. Я стала отказываться от тем, которые меня заставляют снимать по так называемому “госзаказу” (и про нашу власть, и про экономику, и про ситуацию в регионе, которые имели откровенно лживый характер), начала конфликтовать. Апогеем стала работа на федеральном канале, в результате которой я совершенно разочаровалась в профессии тележурналиста-новостийщика и ушла. Я поняла, что все мои нервы, вся эта гонка с языком на плече в поиске «эксклюзива», «нужного» героя приводит только к выгоранию.

В онлайн-СМИ, где я работала редактором, началась такая погоня за инфоповодами, что заниматься новостями стало откровенно невыносимо. Подобно тому, как наша страна соревнуется в гонке вооружений с Америкой и Европой, так и в инфомпространстве среди СМИ началась гонка под названием «трафик». Что называется, «мы за ценой не постоим».

Бесконечные требования определенных циферок трафика напрочь убивали качественную журналистику. Главное – как из пулемета без остановки палить новостями по читателям и делать это быстрее, раньше, читабельнее других (что не равно «лучше»). Я стала ненавидеть то, чем я занимаюсь, в том числе новости в том виде, в котором они стали преобладать.

Я четко осознала, что кроме стресса, работа в новостях мне ничего не дает, потому что для меня и моей семьи (детей и мужа, которые меня вообще могли сутками не видеть) остается лишь стресс. Самым же грустным, отчего у меня опускались руки, было осознание того, что все эти новости, за которыми ты гоняешься, чтобы выдать в эфир, или гоняешь подчиненных тебе журналистов по различным информационным сайтам, источникам, инсайдерам и т.п., чтобы скорее их опубликовать, не важны – они мало что меняют! За годы этой гонки процент ненужных и бесполезных новостей дорос почти до 90%. И надо признать: они не просто бесполезны. Мы калечим новостями людей, их психику, потому что этот нескончаемый поток в большинстве своем ненужной информации так нагружает и напрягает мозг человека, что автоматически повышает тревожность, порождает агрессию и приводит к очередным лютым и трешовым событиям, которые снова становятся инфоповодами. И это какой-то замкнутый круг. Круг, из которого я вырвалась.

Я решила работать только на тех проектах, которые сама считаю интересными и полезными: писать интервью с предпринимателями. Их бесстрашие, гибкость ума и умение выжить в непростых российских реалиях вызывают у меня восхищение; снимать фильмы для заказчиков, которые, с моей точки зрения, дают ответы на важные вопросы, делать youtube-каналы, потому что эта видеоплатформа мне нравится и дает больше пользы, нежели телек.

На лето я оставила один проект, который можно делать где угодно, – финансово я все равно была стабильна.

Глава 4. ИЮНЬ «Аномалии»

Лето в пандемийный год выдалось жарким. Я с ужасом думала, как люди выживают в квартирах в условиях ограничений в такую погоду. Я же радовалась жаре: успокаивала себя тем, что за границу на море с детьми в этом году не поеду из-за закрытых границ, и ее вполне заменят поездки на дачу к родителям, где можно купаться с детьми в реке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.